

INSPIRIA

СМОТРИТЕЛИ МАЯКА

Говорят, мы никогда не узнаем,
что случилось.
Говорят, море хранит свои секреты...

ЭММА СТОУНЕКС

INSPIRIA

Эмма Стоункс
Смотрители маяка
Серия «Ток. Мировые хиты»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65497802
Смотрители маяка: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155268-8

Аннотация

Говорят, мы никогда не узнаем, что случилось.

Говорят, море хранит свои секреты...

Корнуолл, 1972 год.

Трое смотрителей маяка бесследно исчезают. Входная дверь запирается изнутри. Часы остановились. В журнале главного смотрителя записи о сильном шторме, но всю неделю небо было ясным. Что случилось с этими тремя мужчинами? Бурное море шепчет их имена. Приливные волны топят призраков.

Двадцать лет спустя женщины, которых они оставили, все еще изо всех сил пытаются двигаться дальше. Хелен, Дженни и Мишель должна была объединить трагедия, но вместо этого разлучила их. Когда к ним приходит писатель, чтобы услышать их версию истории, женщины понимают: только столкнувшись с самыми темными страхами, получится рассказать правду.

Содержание

I. 1972	5
1. Смена	5
2. Странное происшествие на маяке	14
3. Девять этажей	15
II. 1992	20
4. Загадка	20
5. Хелен	22
6. Хелен	26
7	37
8. Дженни	39
9. Дженни	43
10. Хелен	53
III. 1972	56
11. Артур	56
12. Билл	69
Переправа	69
13. Винс	83
Одиночка	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Эмма Стоунекс

Смотрители маяка

Emma Stonex

THE LAMPLIGHTERS

Copyright © 2021 Emma Stonex Limited

© Измайлова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

I. 1972

1. Смена

Джори раздвигает шторы, за окном светает, и все затянуто серой пеленой. По радио играет смутно знакомая мелодия. Он слушает новости о девушке, которая пропала на автобусной остановке где-то к северу отсюда, и пьет черный чай из кружки. Должно быть, бедная мать вне себя от горя. Короткие волосы, короткая юбка, большие глаза – так он представляет себе эту девушку; она дрожит от холода на автобусной остановке, где должны были мокнуть под дождем другие люди, но никого нет, автобус подъезжает и отъезжает, некому заметить, что произошло, и только черные капли сверкают на тротуаре.

Море спокойное и гладкое, как стекло, – таким оно бывает после плохой погоды. Джори открывает окно, чтобы впустить свежий воздух – настолько плотный, что он кажется съедобным, его можно резать; он бьется о каменные дома, как кубик льда о стенки стакана. Ничто не сравнится с запахом моря даже близко: соленый, резкий, словно уксус из холодильника. Сегодня абсолютная тишина. Джори знает море шумным и тихим, волнующимся и зеркально-спокойным, море, когда в лодке чувствуешь себя последним человеком

на земле, волна беснуется, и начинаешь верить в то, во что никогда не верил, – например, что море находится на полпути между адом и раем или что бы там ни было наверху и в глубине. Один рыбак сказал ему однажды, что у моря два лица. И ты должен принять оба, хорошее и плохое, и никогда не поворачиваться спиной ни к одному из них.

Сегодня, спустя много времени, море на их стороне. Сегодня они это сделают.

* * *

Ему решать – отправлять лодку к башне или нет. Даже если в девять часов дует попутный ветер, это не значит, что он сохранится в десять, а если в гавани волны поднимаются на четыре фута, у башни скорее всего будут все сорок. Что бы ни происходило у берега, на маяке все усиливается в десять раз.

Новому сменщику лет двадцать с небольшим, у него светлые волосы и очки с толстыми стеклами, из-за которых кажется, что глаза у него маленькие и бегающие; он напоминает Джори маленького зверька в клетке. Он стоит на пристани в вельветовых брюках, и в лучах солнца потрепанные края штанин кажутся темнее. Рано утром на побережье тихо, только кто-то выгуливает собаку и разгружают ящики с молоком. Между Рождеством и Новым годом жизнь на побережье замирает.

Джори и его команда подхватывают пожитки парня – красные трайдентовские коробки с двухмесячным запасом одежды и продуктов, свежим мясом, фруктами, настоящим, а не порошковым молоком, газетой, упаковкой чая, сигаретами «Голден Вирджиния» – и упаковывают их в брезент, перевязывая веревкой. Смотрители будут довольны: последние четыре недели они сидели на тушёнке и не читали ничего свежее передовицы Mail, которую привезла последняя смена.

На мелководье к бортам лодки присасываются хлюпающие водоросли. Парень в промокших кедах забирается внутрь и хватается за борта, как слепой. Под мышкой он держит пакет с вещами, перевязанный бечевкой, – книги, магнитофон, кассеты, все, что угодно, чтобы убить время. Скорее всего он студент. Сейчас в «Трайдене» много студентов. Будет сочинять музыку, не иначе. Сидеть в световой камере и думать, что это и есть жизнь. Им всем нужно занятие, особенно тем, кто сидит в башнях, – нельзя все время носиться вниз-вверх по лестнице. Джори знавал смотрителя, искусного мастера, который собирал модели кораблей в бутылках; занимался этим дни напролет, и в результате получались шедевры. А потом они обзавелись телевизором, и этот смотритель все выбросил – в буквальном смысле слова вышвырнул все свои инструменты в окно прямо в море и с тех пор каждую свободную минуту смотрел телевизор.

– Вы давно этим занимаетесь? – спросил юноша.

Джори сказал да, дольше, чем тот живет на свете.

Юноша продолжил:

— Я уж потерял надежду. Жду со вторника. Меня пустили пожить в какую-то берлогу в деревне, и это было очень мило, но не настолько мило, чтобы мне хотелось тут задержаться. Каждый день я смотрел вдаль и думал, когда же мы поедем? Все эти разговоры о чертовом шторме. Не знаю, как мы выживем, когда нас накроет на башне. Говорят, ты не видел бую, если не видел ее с воды, и что ощущения такие, будто башня вот-вот рухнет и тебя унесет прочь.

Новички всегда хотят поболтать. Это нервы, думает Джори. Как переправа? Переменится ли ветер? Как высаживаются на башню? Что за люди на маяке, как с ними сработаться? А главный смотритель? Но это еще не его маяк и, может, никогда не станет его. Временные смотрители приходят и уходят, то они на маяке, то на берегу, их носит по стране, словно перекасти-поле. Джори повидал их немало; сначала они хотят скорее приступить к работе и ждут романтики, а потом оказывается, что романтики-то и нет. Трое мужчин на маяке посреди моря. В этом нет ничего особенного, совершенно ничего, просто трое мужчин и много воды. Не каждый может вынести заточение. Одиночество. Изоляцию. Однообразие. На многие мили ничего, кроме моря, моря, еще раз моря. Ни друзей. Ни женщин. Просто еще двое мужчин, и так день за днем, и никакой возможности убраться от них. От этого можно совершенно сойти с ума.

Смену можно ждать много дней, даже недель. Как-то раз один смотритель проторчал без сменщика ровно четыре месяца.

– Ты привыкнешь к погоде, – говорит он молодому человеку. – Надеюсь. И не будешь так психовать, как бедолага, которого мы должны забрать на берег.

Его команда сидит на корме и уныло смотрит в море, парни тихо переговариваются и курят, сигареты мокнут во влажных пальцах. Готовая натура для суровой морской картины – широкими мазками, масляными красками.

– Чего мы ждем? – кричит один из них. – Прилива?

Вместе с ними едет инженер, который починит радио. Обычно в день смены они бы уже пять раз связались с маяком, но буря повредила электричество.

Джори накрывает последние коробки, заводит двигатель, и они отходят. Лодка качается и подпрыгивает на волнах, словно резиновая игрушка. На заросшей травой скале галдит стоячая чаек; к берегу лениво приближается синий траловый бот. Чем дальше от берега, тем сильнее волна; зеленая вода вспенивается белыми гребнями. Вдали цвета темнеют, море становится темно-зеленым, а небо – зловеще-серым. Вода хлещет по носу лодки и бурлит. Джори мусолит самокрутку, она расплющилась в кармане, но курить можно; он смотрит на горизонт и дымит. Уши болят от холода. Над головой в бескрайнем сером небе кружит белая птица.

В туманной дымке он видит «Деву» – одинокий велича-

вый пик. Она в пятнадцать морских милях отсюда. Он знает, что зрителям это нравится, они не хотят видеть берег со смотровой площадки, чтобы не вспоминать о доме.

Молодой человек сидит спиной к «Деве» – забавно, думает Джори, встречать спиной место, куда ты направляешься. Парня беспокоит порез на большом пальце. Лицо у него нездоровое, лицо новичка. Но каждый моряк должен найти свою опору.

– Ты уже бывал на башне, сынок?

– Я был на Тревосе. И потом на Святой Катерине. Но на маяке никогда. Нет, на маяке никогда.

– Для этого нужна смелость, – говорит Джори. – Надо ладить с людьми, не важно, какие они.

– О, я справлюсь.

– Конечно. Ваш ГС хороший мужик, это главное.

– А остальные?

– Им велено слушаться старшего. Но они все примерно твоего возраста, так что, не сомневаюсь, вы поладите.

– А как насчет него?

Джори улыбается при виде его обеспокоенного лица:

– Не надо тревожиться. Мало ли какие истории рассказывают, не все правда.

Под ними бушует и пенится черное море; ветер дует в спину, несется над водой, заставляя ее волноваться и бурлить. Перед носом лодки выстреливают брызги, качка усиливается. Когда Джори был ребенком и часто ходил на лодке от Ли-

мингтона до Ярмута, он часто вглядывался в даль и восхищался, как море совершенно незаметно уносит тебя от берега, мель сменяется глубиной, земля исчезает, и, если упадешь за борт, под тобой окажется сотня футов. Там морские щуки и куньи акулы: диковинные раздутые мерцающие тела с мягкими любопытными щупальцами и холодными мутными глазами.

Маяк приближается, линия превращается в полосу, полоска в палец.

– Вот и она. «Дева».

Теперь они видят темные пятна у ее подножья, шрамы, нанесенные обезумевшим морем за десятилетия его власти. Хотя Джори делал это много раз, все равно приближение к королеве маяков всегда вызывает в нем особое чувство – незначительности, ничтожности, может быть, даже легкого испуга. Пятидесятиметровая колонна, образец героического инженерного искусства эпохи королевы Виктории, «Дева» бледным шпилем высится на фоне неба, стоический оплот безопасности моряков.

– Она была одной из первых, – говорит Джори. – Тысяча восемьсот девяносто третий год. Дважды обрушивалась, пока они наконец не зажгли фонарь. Говорят, что, когда погода портится, она издает звук, напоминающий плач женщины. Это ветер воет среди камней.

В серой дымке проступают детали: окна маяка, бетонное кольцо площадки, череда узких железных ступенек, веду-

щих к входной двери, – ее еще называют собачьей лестницей.

– Они нас видят?

– Сейчас увидят.

С этими словами Джори начинает высматривать тех, кого ожидал увидеть на площадке, – машущего им главного зрителя в синей форме и белой фуражке или его помощника. Они наблюдают за водой с рассвета.

Он с осторожностью рассматривает бурлящий котел у основания маяка, выбирая, как лучше причалить – носом или кормой, встать на якорь или нет. Ледяная вода плещет по затонувшим камням; когда море наступает, они скрываются из виду, а когда отходит, они выступают, словно черные блестящие зубы. Из всех маяков сложнее всего пристать к «Епископу», «Волку» и «Деве»; и если бы ему предложили выбрать, он сказал бы, что «Дева» опаснее всех. Моряки рассказывают легенды, что ее построили на зубах окаменелого морского чудовища. За время ее строительства погибли десятки людей, а риф убил множество сбившихся с пути моряков. Она не любит чужаков и людей вообще.

Он все ждет, пока появится кто-то из зрителей. Они не высалят этого парня, пока им не поможет кто-то с той стороны. С такой волной его может швырять вверх-вниз на десять футов за минуту, и если он не уследит, канат оборвется и парня ждет холодная ванна. Трудное дело, но таковы уж маяки. Для сухопутного человека море – штука постоянная, но Джори знает, что это не так: оно переменчиво и непред-

сказуемо, и если не будешь внимательным, тебе крышка.

– Где они?

Из-за шума волн он с трудом слышит крик помощника.

Джори подает знак, что им придется обойти башню во-круг. Парень зеленеет. Инженер тоже. Джори надо бы успо-коить их, но он сам не вполне спокоен. Сколько лет он ходит к «Деве», но еще ни разу не причаливал к обратной стороне маяка.

Перед ними вздымается башня – чистый гранит. Джори наклоняет голову вбок, чтобы рассмотреть входную дверь в шестидесяти футах над водой – тяжелая бронза, явно запер-та.

Его команда начинает кричать, они зовут хранителей, пронзительно свистят. Высокая и безмолвная, башня кону-сом уходит в небо, и небо в ответ смотрит на их крошечное суденышко, охваченное замешательством. И снова эта пти-ца, та самая, которая над ними летала. Кружит, кружит, хо-чет что-то сказать, чего они не понимают. Парень наклоня-ется за борт и отдает морю свой завтрак.

Они взлетают на волнах и падают; они ждут и ждут.

Джори смотрит на башню, огромную, бросающую тень, и все, что он слышит, – это грохот волн, шлепки пены, чавка-нье воды, и все, о чем он может думать, – это исчезнувшая девушка, о которой говорили утром по радио, и автобусная остановка, пустая остановка, и непрекращающийся сильный дождь.

2. Странное происшествие на маяке

«Таймс», воскресенье, 31 декабря 1972

«Трайидент-Хаус» получил информацию об исчезновении троих смотрителей маяка «Дева» в пятнадцати милях от Лендс-Энда. Их имена – главный смотритель Артур Блэк, помощник смотрителя Уильям «Билл» Уокер и временный помощник Винсент Борн. Их пропажу вчера утром обнаружили местный моряк и его команда, прибывшие, чтобы доставить сменщика и забрать мистера Уокера на берег.

В настоящий момент нет никаких сведений о местонахождении пропавших и не было сделано никакого официального заявления. Начато расследование.

3. Девять этажей

Высадка занимает часы. Двенадцать человек взбираются по собачьей лестнице, чувствуя на губах вкус соли и страха, их уши мерзнут, руки исцарапаны и заледенели.

Они добираются до двери, но она заперта снаружи. Стальной засов, предназначенный для защиты от ударов волн и ураганного ветра, надо сломать силой мышц и ломом.

Потом у одного человека начнется лихорадка, плохая лихорадка, вызванная частично истощением и частично беспокойством, грызшим его с того момента, когда лодку Джори Мартина никто не встретил, с тех пор как «Трайидент-Хаус» сказал им: «Отправляйтесь туда».

В башню входят трое. Внутри темно и чувствуется несвежий запах, свойственный морским станциям с их наглухо закрытыми окнами. В кладовой темно: с трудом различимые очертания чего-то массивного, кольца каната, спасательный жилет, перевернутая моторная шлюпка. Все на месте.

В тени, как рыбы на крючках, висят штормовки зрителей. Они кричат в дыру в потолке, и голоса эхом отдаются вверх по лестнице:

– Артур. Билл. Винсент. Винс, ты там? Билл?

Удивительно, как живые голоса разрезают тишину – густую, неприлично плотную. Люди не ждут ответа. «Трайидент» сказал им, что это поисково-спасательная операция,

но они ищут тела. Все мысли о побеге зрителей исчезли. Дверь была заперта. Они где-то здесь, внутри.

Привезите их без шума и скандала, сказал «Трайидент». Сделайте все аккуратно, Найдите неболтливую лодочника, и чтобы никакой суматохи, сцен, чтоб никто ничего не знал. И убедитесь, что с маяком все в порядке, бога ради, пусть кто-то об этом позаботится.

Трое мужчин по очереди взбираются вверх. Стена на следующем этаже увешана детонаторами и зарядами для туманной пушки. Нет никаких следов борьбы. Каждый мужчина думает о доме, жене, детях, у кого они есть, о тепле очага и о руке на спине: «Длинный день, милый?» Башня не знает семей. Она знает только троих зрителей, троих зрителей, чьи тела где-то здесь. Где они обнаружатся? В каком состоянии?

Они поднимаются на третий этаж к цистернам с керосином, потом на четвертый, где хранится масло для горелок. Один из них снова выкрикивает имена, не столько в надежде услышать ответ, сколько чтобы нарушить тягостную тишину. Нет ни единого следа, указывающего на бегство, ничего, что позволило бы предположить, что зрители покинули маяк.

Они идут по лестнице, металлические кольца которой поднимаются по внутренней части стены вверх до световой камеры маяка. Перила блестят. Они не от мира сего, эти зрители маяка, помешанные на тщательной уборке, они

полируют, убирают, натирают; маяк – самое чистое место, куда ступала нога человека. Мужчины ищут отпечатки на меди – но безуспешно; зрители не прикасались к ней. Хотя если бы кто-то из них спешил, падал или пытался за что-то схватиться, если бы кто-то был не в себе... Но ничего необычного.

Шаги гремят, как удары похоронного барабана, настойчивые и тяжелые. Люди уже мечтают оказаться в безопасности буксира и устремиться к берегу.

Они выходят на кухню. Двенадцать футов в ширину, в центре торчит огромная труба. На стене висят три шкафчика, где аккуратно расставлены банки с консервами: запеченная фасоль, конские бобы, рис, супы, бульонные кубики «Оксо», свинина с кашей, отварная солонина, маринованные овощи. На столешнице лежит запечатанная упаковка сарделек в вакууме – словно материал для исследования в лаборатории. Перед окном раковина – красный кран для дождевой воды, серебристый для пресной, и сбоку сушится тазик для умывания. Между внутренней и внешней стенами, на полках, которые хранители используют в качестве кухонного шкафа, лежит засохшая луковица. Над раковиной висит застекленный шкафчик, где лежат предметы туалета: мужчины находят там зубные щетки, расчески, бутылки «Олд Спайс» и «Табака». Рядом – буфет со столовыми приборами, тарелками и чашками, все разложено и расставлено с предсказуемой аккуратностью. Часы на стене остановились в восемь

сорок пять.

– Что это? – говорит мужчина с усами.

Накрытый стол. Для двоих человек, не троих: нож, вилка и тарелка для каждого. Тюбик горчицы, чистая пепельница. Пластиковая столешница в форме полумесяца плотно охватывает трубу, перед ней – скамейка и два стула, один забрызган пеной, а второй стоит под таким углом, как будто сидящий на нем человек резко вскочил.

Человек с прикрытой волосами лысиной проверяет, не греется ли что-то на плите «Рейберн», но она холодная и пустая. Через окно они слышат шум моря, вздыхающего у скал внизу.

– Ничего не понимаю, – говорит он, и это скорее не ответ, а признание полнейшего непонимания и испуга.

Мужчины смотрят на потолок.

На маяке негде прятаться, вот в чем дело. В каждой комнате можно сделать два широких шага от трубы в одном направлении и два в противоположном.

Они идут в спальню. Три койки изгибаются вдоль стен, занавеска перед каждой отодвинута. Постель тщательно убрана, простыни натянуты, подушки и бежевые одеяла колючие на ощупь. Над ними две кровати поменьше для гостей и лестница, чтобы забраться на них. Под лестницей место для хранения с задернутой занавеской. Лысый мужчина, затаив дыхание, отодвигает ее, но обнаруживает только кожаную куртку и две рубашки.

Семь этажей и сто футов над уровнем моря. В гостиной телевизор и три старых кресла марки «Эркол». На полу рядом с самым большим, которое, по их предположению, принадлежит главному зрителю, стоит чашка с остатками холодного чая. Рядом с трубой наверх поднимается дымоход. Может быть, главный зритель сейчас к ним спустится, он наверху в световой камере, чистит стекла. Еще двое тоже там, они на смотровой площадке. Извините, они ничего не слышали.

Часы здесь показывают то же время. Без пятнадцати девять.

Двойные двери ведут в смотровую комнату на восьмом этаже. Возможно, тела найдутся здесь и закрытая дверь не дала запаху распространиться. Но они уже не удивляются тому, что здесь пусто. Почти вся башня пройдена. Осталась только световая камера. Девять этажей изучено, девять этажей пустуют. И вот они поднимаются на самый верх, и там она – лампа «Девы», огромный газовый фонарь в окружении стекол, хрупких, словно крылья бабочки.

– Вот и все. Их нет.

На горизонте собираются перистые облака. Ветер свежеет, меняет направление и хлещет по прыгающим волнам. Как будто зрителей никогда и не было. Или же они забрались на самый верх и просто улетели.

II. 1992

4. Загадка

Independent, понедельник, 4 мая 1992

Известный писатель проникает в тайну «Девы»

Автор приключенческих романов Дэн Шарп стремится разгадать одну из величайших морских загадок нашего времени. Шарп, автор бестселлеров «Око шторма», «Тихие воды» и «Спуск дредноута», вырос у моря и давно интересовался историей необъяснимого исчезновения. Впервые погружившись в документальную прозу, он объясняет: «История «Девы» завладела мной еще в детстве. Я хочу пролить свет на это дело, пообщавшись с людьми в центре событий».

Двадцать лет назад, зимой 1972 года, трое зрителей маяка исчезли из корнуэльской башни в нескольких милях от Лендс-Энда. После себя они оставили зацепки: запертая изнутри дверь, двое часов, остановившихся в одно и то же время, накрытый стол. Погодный журнал главного зрителя описывает шторм у башни, но небо было необъяснимо чистым.

Какой странный рок постиг этих обреченных людей? Шарп намеревается выяснить это. Он говорит: «В этой тайне есть все, что нужно автору романов – драма, загадка, морские опасности. Только все это реально. Я верю, что любую головоломку можно решить: это вопрос поиска в правильных местах. Готов поспорить, кто-то знает больше, чем мы думаем».

5. Хелен

Вот он какой, подумала она, наблюдая, как он паркует неподалеку свой зеленый «Моррис Майнор» с выхлопной трубой, напоминающей табачную трубку. Хелен удивилась, что он водит такую машину. Он ведь, должно быть, богат, если то, что пишут на его книгах, – правда: что он автор бестселлеров номер один.

Она узнала его сразу же, хотя он не дал ей описание во время телефонного разговора. Может быть, ей стоило спросить, перед тем как пускать незнакомцев в дом, лишняя осторожность не помешает. Но это должен быть он. Темно-синий бушлат, хмурая сосредоточенность на лице, словно он часами сидит, сторбившись над рукописями, и света белого не видит. Он оказался моложе, чем она представляла, ему не было и сорока.

– Уйди, – рассеянно сказала Хелен, когда собака ткнулась носом в ее ладонь. – Погуляем попозже.

Они пойдут в лес бродить по влажным опавшим листьям. При мысли об этом ей становилось спокойнее: о том, что наступит попозже.

Писатель нес с собой брезентовую сумку, и она подумала, что там лежат чеки и зажигалки; она представила его дом – незастеленные кровати, спящие на столах кошки. На завтрак у него, наверное, «Витабикс» из надорванной коробки, мо-

локо закончилось, поэтому он наливает в них воду из-под крана. Он курит сигарету, думая о «Деве» и набрасывая вопросы, которые хочет задать.

Столько лет прошло, а она продолжает делать то же самое. Судить по внешнему виду, не имея больше ничего, – критерий, по которому она оценивает каждого нового человека. Пережили ли они утрату, как она? Понимают ли они, что она чувствует? Были ли они с ее стороны окна или, наоборот, в той немыслимой дали? Она не думала, что это важно, был или нет: он ведь писатель, он может вообразить.

Хотя насчет этого Хелен была настроена скептически – насчет его способности вообразить невообразимое. Она представляла это как падение. Невесомость. Неверие. Ожидание, что тебя поймают, но никто этого так и не сделал, годы шли, шли, шли, она падала, и не было ни развязки, ни ясности, ни завершенности. Сейчас это слово – «завершенность» – стало модным среди людей, которые разрывали отношения или теряли работу, и она думала, какие же это простые и понятные вещи, от которых можно двигаться дальше; они не выталкивают тебя за край и не заставляют падать. Каково это – отдать человека ветру. Ни следа, ни причины, ни ключа. Что мог представить себе Дэн Шарп, интересовавшийся линкорами, оружием и мужчинами, которые напивались в порту?

Она хотела поделиться с людьми, пережившими то же, что и она, понять их, и чтобы они поняли ее. Она бы прочитала их утрату по лицам – это не очевидная вещь, это горечь

и смирение, призраки, от которых она так долго стремилась избавиться. Она бы сказала: «Вы же понимаете, да? *Вы понимаете*», – и ей бы что-то сказали в ответ, но если это невозможно, если она не получит доброту и понимание, то зачем все это?

Тем временем призраки продолжали скользить среди ее вещей в шкафу, заставляя ее вздрагивать, когда по утрам она одевалась, они жались по углам, обдирая кожу на пальцах. У нее нет определенности, говорили терапевты (давно она их не посещала), а для определенности нужен хотя бы миллиметр, за который можно уцепиться ногтями.

Он подошел, открыл калитку. Повозился с заржавевшей задвижкой, закрывая ее за собой. На кухне по радио играла Scarborough Fair, и у Хелен кружилась голова от этой песни, от ее меланхоличности, от морской пены, батистовых рубашек и настоящей любви, скорее горькой, чем сладкой. Время от времени ей в голову приходили безумные мысли об Артуре и остальных, но в целом она приучилась держать их в узде. Какими секретами мог бы поделиться маяк? Но тайны мужчин похоронены под водой, и ее секреты тоже.

После утраты ничего не изменилось. Песни продолжали писаться. Книги читаться. Войны не прекратились. Пары ссорились у тележки рядом с «Теско», перед тем как сесть в машину и хлопнуть дверью. Жизнь продолжалась, безжалостно продолжалась. Время текло в своем обычном ритме – приходы и уходы, начала и окончания, потихоньку раны за-

лечивались, если не думать о свисте в лесу за окраиной города. Сначала это был свист, издаваемый пересохшими губами. Но с годами он превратился в звенящую непрерывную ноту.

Эта нота звучала и теперь одновременно со звонком в дверь. Хелен сунула руки в карманы кардигана и покатила катышки ниток пальцами. Ей нравилось, как они ощущаются, как забиваются под ногти – чуть больно, но не слишком.

6. Хелен

Входите. Пожалуйста, входите. Простите, у меня беспорядок. Как мило с вашей стороны не соглашаться, но это правда. Могу я предложить вам чай или кофе? Чай, замечательно, молоко, сахар? Конечно, в наше время у всех есть молоко и сахар. Моя бабушка любила черный чай с долькой лимона; сейчас так редко кто пьет. Пирог? К сожалению, не домашний.

Значит, вы писатель, как интересно. Никогда раньше не встречала писателей. Каждый говорит, что может написать книгу, не так ли? Я сама когда-то так думала, но я не писатель. Я могу придумать, о чем написать, но не знаю, как рассказать это другим людям, и в этом, полагаю, вся разница. После того как Артур умер, все говорили, что было бы хорошо, если бы я изложила свои переживания на бумаге и выбросила их из головы. Можете в это поверить, вы же сами творческий человек, разве создание чего-то заставляет вас чувствовать себя более цельным?

Так или иначе, я никогда не написала ни строчки. Не уверена, что я бы хотела, чтобы незнакомцы прочитали то, что я напишу. Двадцать лет, боже мой, трудно поверить. Могу я полюбопытствовать, почему вы выбрали нашу историю? Если вы надеетесь, что мой муж был похож на крутых парней из ваших книг и что я расскажу вам о приключениях, кораб-

лекрушениях и тому подобном... Подумайте еще раз.

Да, если верить слухам, история интригующая. Но для меня, человека изнутри, человека, который был так близок ко всему, все воспринимается иначе; но вы не переживайте на этот счет, нет, не надо. Я не против поговорить об Артуре, тогда он как будто снова со мной. Если бы я пыталась притвориться, что ничего не произошло, я бы тронулась умом. Надо принимать то, что случается в вашей жизни.

За эти годы я слышала, что Артура похитили пришельцы. Убили пираты. Шантажировали контрабандисты. Он убил остальных, или они убили его, а потом один другого или сами себя – из-за женщины, долга, выброшенного на берег сокровища. За ними охотились привидения, их похитило правительство. Им угрожали шпионы, их проглотили морские змеи. Они стали лунатиками, кто-то один или все сразу. Они вели тайную жизнь, о которой никто не знал, у них были богатства, закопанные на южноамериканских плантациях, которые можно было найти только с помощью метки на карте. Они уплыли в Тимбукту, и им там так понравилось, что они решили не возвращаться... Когда два года спустя пропал лорд Лукан, некоторые говорили, что он планирует встретиться с Артуром и остальными на необитаемом острове, по видимому, в компании бедняг, исчезнувших в Бермудском треугольнике. Честное слово! Я уверена, что вам такая история понравилась бы больше, но, боюсь, все это чепуха. Мы сейчас не в вашем мире, мы в моем; и это не триллер, это

моя жизнь.

Пяти минут достаточно? Если сравнить пирог с часами, то пять минут – это размер куска, который я отрезаю. Передайте, пожалуйста, тарелку; вот, приятного аппетита. Должна сказать, я никогда не умела печь. Считается, что женщина должна уметь, не знаю, с чего бы. У Артура это получалось лучше, чем у меня. Вы знаете, что на подготовительных курсах они учились печь хлеб? Чтобы стать смотрителем маяка, надо многое уметь.

Из всех башен, думаю, самое подходящее имя досталось «Епископу». Очень величественное. Оно напоминает мне о шахматной фигуре¹, спокойной и величавой. Артур отлично играл в шахматы; я с ним никогда не играла, потому что мы оба любили выигрывать и не привыкли поддаваться. Во время дежурств ему пришлось полюбить карты и игры, потому что свободного времени было в избытке. К тому же игра объединяет, будь то криббидж или партия в джин рамми. А чай! Если смотрители что-то умеют, так это пить чай. Они выпивают по тридцать чашек в день. На многих станциях есть правило: пришел на кухню – завари чай.

Смотрители – обычные люди. Надеюсь, вы не разочаруетесь, когда поймете это. Люди из внешнего мира, видя, что мы ведем довольно закрытый образ жизни, думают, что профессия овеяна ореолом тайны. Они думают, что быть женой смотрителя маяка – очень романтично, в этом есть загадка,

¹ По-английски шахматная фигура «слон» называется bishop, «епископ».

но это вовсе не так. Если в двух словах, я бы сказала, что вы должны быть готовы к долгим разлукам и коротким бурным встречам. Встречи – это как воссоединение далеких друзей, прекрасное и одновременно трудное. Восемь недель вы живете своей жизнью, а потом в ваш дом приходит мужчина и внезапно оказывается хозяином, а вам приходится играть вторую скрипку. Некомфортно. Непохоже на традиционный брак. Наш точно таким не был.

Скучаю ли я по морю? Нет, вовсе нет. Когда все случилось, я не могла дождаться, когда же смогу уехать. Поэтому я переехала сюда, в город. Я никогда не любила море. Когда мы жили в коттеджах зрителей, оно окружало нас, и везде, куда ни глянь, мы видели из окон только море. Временами казалось, будто я живу в аквариуме. Когда случался шторм и били молнии, зрелище было впечатляющим, и закаты тоже были красивы, но большей частью море серое, серое и огромное, и однообразное. Хотя я бы сказала, оно скорее зеленое, чем серое, как шалфей или цвет, который называют *eau de Nil*. Вы знаете, что «*eau de Nil*» означает вода Нила? Я всегда думала, что это переводится как «никакая вода», именно такие чувства вызывает во мне море, и я до сих пор так его воспринимаю. Никакая вода. Сегодня утром оно такое же бессмысленное, как в день, когда исчез Артур. Хотя мне стало легче. Время дает возможность посмотреть на произошедшее с расстояния и не чувствовать то, что чувствовала тогда; те чувства улеглись, они не владеют твоим

разумом, как в самом начале. Странно, потому что временами меня не удивляет то, что обнаружили в башне, и я думаю, что их унесло и утопило бурное море. А в другие дни мне кажется это настолько невероятным, что я задыхаюсь. Слишком много деталей, от которых я не могу отмахнуться, запертые двери и остановившиеся часы, они давят на меня, и если эти мысли приходят ко мне ночью, мне приходится заставлять себя прогонять их прочь. Иначе я не могу уснуть, я начинаю вспоминать вид на море из нашего дома, оно такое огромное, пустое и безразличное, что мне приходится включать радио для компании.

Я думаю, то, что я сказала, то и случилось: внезапно нахлынуло море, застав их врасплох. Бритва Оккама, так это называют. Закон, согласно которому самое простое решение, как правило, оказывается верным. Если перед вами загадка, не надо усложнять ее и делать из нее что-то большее, чем сумма ее частей.

Единственное реалистичное объяснение – Артур утонул. Если вы не согласны, вы пойдете по всем этим причудливым тропам с призраками, теориями заговора и прочей чепухой, в которую верят люди и о которой я уже рассказала. Люди поверят во что угодно, и если им дать выбор, они предпочитают ложь, а не правду, потому что ложь обычно более интересна. Как я сказала, море неинтересно, особенно когда смотришь на него каждый день. Но их забрало море. В этом я не сомневаюсь.

О маяке такого типа – вы когда-нибудь были на таком маяке? – нужно знать то, что он стоит прямо посреди воды. Это не станция на скале, когда вы живете на острове и у вас есть клочок земли, чтобы гулять, держать огород, разводить овец или еще чем-то заниматься; и это не материк, где вы живете вместе с семьей, и если вы не на дежурстве, вы можете поехать в деревню и вести обычную жизнь, а когда приходит ваша смена, просто выполняете свои обязанности. Маяк-башня просто стоит посреди моря, и у зрителей нет другого места, кроме как внутри маяка или снаружи на площадке. Можете бегать по площадке с целью физической нагрузки, но очень скоро у вас начнет кружиться голова.

Ах да, простите: площадка – это платформа чуть ниже входной двери, которая окружает маяк широким кольцом. Она возвышается над водой примерно на двадцать или тридцать футов, и на словах это много, но если вы окажетесь там, когда придет волна, вам конец. Я слышала о зрителях, которые рыбачили с таких платформ, наблюдали за птицами и даже читали книги. Уверена, что Артур тоже это делал, потому что он любил читать; он говорил, что дежурство на маяке – это его время для обучения, и брал с собой справочники на разные темы, романы, биографии, книги о космосе. Он увлекся геологией – камнями и скалами. Он коллекционировал камни и разбирался в них. Говорил, что так можно изучить разные эры.

Чем бы вы ни занимались, площадка – это единственное

место на башне, где можно подышать свежим воздухом. Стены настолько толстые, что невозможно просто высунуть голову в окно; видите ли, там двойные рамы на расстоянии трех или четырех футов друг от друга – внешняя и внутренняя; на подоконник не присядешь. Можно выйти на балкон и прогуляться вокруг фонаря, но там мало места, не говоря уже о том, что вам потребуется очень длинная удочка.

Это могло случиться с одним из них, и мне бы не хотелось гадать, с кем именно, но это мог быть Артур, поскольку ему нравилось проводить время вдали от людей, в одиночестве, он это любил. Может быть, он вышел на площадку почитать книгу, ветер был спокойным, балл или два, а потом из ниоткуда плеснула большая волна и унесла его. В море такое случается. Вы сами знаете. Однажды такое было и с Артуром – на «Эддистоуне», он только что стал ПС – помощником смотрителя; он развешивал постиранные вещи, и тут пришла огромная волна и сбила его с ног. К счастью, его поймал напарник, иначе я потеряла бы его на много лет раньше. Он испугался, но ему повезло. Что нельзя сказать о его вещах; он лишился их навсегда. Ему пришлось одалживать одежду у коллег, пока не пришла сменная вахта.

Но такие происшествия не сказывались на Артуре. Смотрители маяка – люди неромантические; они не склонны нервничать или заикаться на чем-то. Суть этой работы заключается в том, чтобы сохранять хладнокровие и делать то, что нужно. Для этого «Трайидент» их нанимает. Артур нико-

гда не боялся моря, даже в самые опасные дни. Он рассказывал мне, как однажды во время шторма вода брызнула в окно кухни – не забывайте, что это восемьдесят или восемьдесят пять футов над уровнем моря. У подножья перекатывались камни, и вся башня содрогалась. Я бы перепугалась. Но не Артур; он считал, что море на его стороне.

Сходя на берег, порой он был не в своей тарелке. Как рыба, вытащенная из воды; да, именно так. Он не знал, что такое жить на суше, хотя знал, как жить в море. Прощаясь с ним перед возвращением на башню, я видела, что он действительно очень радовался при мысли, что скоро ее увидит.

Не знаю, сколько книг об океане вы опубликовали, но писать историю о нем и писать о том, что он представляет собой на самом деле, – это разные вещи. Море рассердится на вас, если вы не будете достаточно внимательны; его настроение меняется по щелчку пальцев, и ему нет до вас дела. Артур умел предсказывать его поведение по облакам, по стуку ветра в окно; он определял шесть или семь баллов просто на слух, поэтому если человека с его опытом можно было застать врасплох, это доказывает, как внезапно оно может меняться. Может быть, у Артура было время крикнуть и остальные прибежали к нему; площадка скользкая, паника, и много ли надо, чтобы волна смыла всех троих?

Запертая дверь – непонятно, соглашусь. Могу высказать одно предположение. Входные двери отлиты из толстой пушечной бронзы – иначе они не могли бы противостоять уда-

рам снаружи – и легко могут захлопнуться. Но вот тот факт, что дверь была заперта изнутри... Это меня гложет. Но на маяке двери запираются на тяжелые железные засовы, которые идут поперек и фиксируют их на месте, и я думаю, есть ли вероятность, что засов мог упасть, когда дверь хлопнула особенно сильно?

Не знаю. Если вы думаете, что это глупо, спросите себя, какие еще версии вы можете придумать, и когда они будут крутиться у вас в голове ночь напролет, выберите, какая вам нравится больше. Остановившиеся часы, запертая дверь, накрытый стол – все это берedit ваше воображение, да? Но я смотрю на это с практической точки зрения. Я не суеверна. Кто бы ни дежурил на кухне в тот день, он скорее всего накрывал стол к обеду; приемы пищи на маяке очень важны, и зрители привыкли к определенному распорядку. Только два прибора – может быть, он просто не успел поставить третий.

Двое часов, остановившихся в одно и то же время? Это удивительно, но не невозможно. Из разряда слухов, которые искажаются при передаче; кто-то что-то придумал, а потом все в это верят; просто злая выдумка недоброго человека.

Я надеялась, что «Трайидент» объявит, что они утонули, и избавит семьи от неопределенности, но они так и не сделали этого. Мое мнение, что они утонули. Я счастливый человек, потому что у меня есть это мнение, пусть даже оно не стало официальной версией, но мне это нужно.

Дженни Уокер, жена Билла, она бы не согласилась. Ей нравится неопределенность. Иначе она бы лишилась последней надежды на возвращение Билла. Я знаю, что они не вернутся. Но люди справляются с горем по-своему. Нельзя говорить человеку, как ему горевать; это очень личное дело.

Но мне так жаль. Произошедшее могло бы объединить нас. Нас, женщин. Нас, жен. Но случилось все наоборот. Я не видела Дженни с десятилетней годовщины, и даже в тот день мы не разговаривали. Мы не приближаемся друг к другу. Мне очень жаль, но уж есть как есть. Хотя я стараюсь что-то изменить. Я верю, что люди должны делиться горем. Когда случается самое худшее, ты не можешь вынести это в одиночку.

Вот почему я говорю с вами. Потому что вы сказали, что вам интересно выяснить правду, — полагаю, и мне тоже. Правда заключается в том, что женщины важны друг другу. Более важны, чем мужчины, и это не то, что вы бы хотели услышать, потому что эта книга, как и другие ваши книги, она про мужчин, не так ли? Мужчин интересуют мужчины.

Но что касается меня, все иначе. Те трое оставили нас троих, и меня интересует то, что осталось. Что можно сделать, если это еще возможно.

Вы писатель, и я думаю, вы сделаете акцент на мистике. Но помните, что я не верю в эти штуки.

Эти штуки? Ой ладно, вы же писатель; вы с этим работаете. За свою жизнь я поняла, что есть два типа людей. Одни

слышат скрип в темном заброшенном доме и закрывают окно, думая, что это ветер. А другие слышат скрип в темном заброшенном доме, зажигают свечу и идут посмотреть.

Миртл-райз 16, Уэст Хилл, Бат
Дженнифер Уокер

Кестл-коттедж
Мортхэвен
Корнуолл

2 июня 1992 года

Дорогая Дженни,

Давно я тебе не писала. Хотя я больше не жду твоего ответа, я не теряю надежду, что ты читаешь мои слова. Я предпочитаю толковать твое молчание как знак мира между нами – если не прощенья.

Хочу рассказать, что я общаюсь с мистером Шарпом. Это решение далось мне нелегко. Как и ты, я никогда не выдаю чужакам информацию о произошедшем. «Трайидент-Хаус» дал нам инструкции, и мы им следуем.

Но я устала от секретов, Дженни. Двадцать лет – долгий срок. Я старею. Мне нужно многое отпустить, многое, что я держала на плечах, – много лет, по разным причинам, и мне наконец нужно этим поделиться. Надеюсь, ты поймешь меня.

С наилучшими пожеланиями тебе и твоей семье, как

всегда,

Хелен

8. Дженни

После обеда пошел дождь. Дженни ненавидела дождь. Она ненавидела грязь, которую приносят промокшие дети, а особенно Ханна с двойной коляской, и хуже всего, если она только что прибралась, и, честно говоря, вся эта возня не стоит того.

Ну и где же он? Опаздывает на пять минут. Какая грубость, подумала она, опаздывать на встречу к человеку, который не очень-то хотел увидаться. Она согласилась только из-за Хелен, только потому что она не допустит, чтобы Хелен Блэк сказала неправду или пусть даже правду и чтобы ее слова напечатали в книге, которую прочитает весь мир. Он вроде бы популярен. Это ее не впечатляет. Дженни не читает книги. Ей хватает «Удачи и судьбы» два раза в месяц.

Наверняка этот человек ожидает, что она расстелет перед ним красную дорожку. Неважно, что он опаздывает, он же богатый и знаменитый, поэтому может вести себя как хочет. А теперь он будет топтаться мокрыми ботинками по всему дому. Дженни считала неприличным просить гостей разуться, они должны делать это без просьб.

Ее охватила привычная ненависть к дождю. Многие годы она переживала, что смена Билла может задержаться и она не увидит его еще дольше. И в ожидании его возвращения она закликивалась на погоду, беспокоилась, не переменится

ли она, сможет ли лодка дойти до маяка и забрать его, и чем дольше она ждала, тем хуже, казалось, становилась погода просто ей назло. Они собирались перебраться в Испанию, когда Билл выйдет на пенсию, на свои небольшие сбережения купить на юге домик с бассейном, глиняными горшками в патио и розовыми цветами у дверей, и дети приезжали бы к ним в отпуск. Дженни больше любила солнце; от дождя ее настроение портилось, а в Англии дожди длились месяцами, и это вгоняло в депрессию. Ей бы понравилось жить в Испании, греть кости в тепле и по вечерам пить коктейль «Бренди Александр». И каждый раз, когда шел дождь, он напоминал ей, что этим планам не суждено осуществиться.

Письмо от Хелен валялось в мусорной корзине. Дженни надо было порвать конверт, не открывая. Каждый раз, когда письмо оказывалось в почтовом ящике, она говорила себе: сожгу его, порву на кусочки, спущу в туалет.

Но никогда этого не делала. Сестра говорила, что письма Хелен позволяют ей чувствовать себя ближе к Биллу, потому что это связующее звено, пусть даже она это звено ненавидит. Письма Хелен – доказательство, что все это было на самом деле. Когда-то Дженни была замужем за Биллом; они любили друг друга. Все было хорошо. Это не сон.

Телевизор в гостиной выключился на середине серии «Она написала убийство». Дженни заставила себя встать с дивана и стукнуть его. Картинка восстановилась: главная героиня пряталась в шкафу от преступника. Она подумала:

я тоже могу это сделать, спрячусь в буфете и притворюсь, что меня нет дома. Но этот Дэн Шарп может явиться в любую минуту. Если она не поговорит с ним, она не узнает, что наврала эта корова. Хотя Дженни все эти годы читала много всякой чепухи о «Деве» и знала, что нельзя верить всему, она считала, что ее долг – оставаться равнодушной. Увидев очередной рассказ в газете, она всегда звонила, чтобы поговорить с кем-то ответственным, высказать свое мнение и объяснить им, что было на самом деле. Это все равно что вступить за члена семьи.

Небо за окном мрачнело. Вдалеке за крышами домов скользила полоска моря, и Дженни уцепилась за нее взглядом, как за спасательный круг. Ей нужно было это море, нужна уверенность в том, что оно существует, это все, что осталось у нее от Билла. В плохую погоду море скрывалось из вида, и она начинала паниковать, представляя, что море ушло, что она далеко от воды, или оно высохло и кости ее мужа выброшены на песок.

Смотритель никогда не покидает маяк.

Она сто раз слышала эти слова, когда Билл исчез.

Тогда что же он сделал? С годами она привыкла к неведению, так ей было даже комфортнее, словно в паре старых дырявых тапочек, от которых нет проку, но она никогда их не снимает.

Что ж, жена никогда не покинет своего мужа. Дженни никогда не уедет. Пока она не узнает правду, и тогда, может

быть, она сможет спать спокойно.

Она услышала шаги гостя у порога, шарканье подошв и кашель курильщика. Он неожиданно стучит в дверь. Она сжимает трясущиеся руки. Все правильно, вспоминает она, звонок сломался.

9. Дженни

Я бы раньше с вами встретилась, но проколола колесо. Жду зятя, чтобы он помог. Я в машинах не разбираюсь. Этим всем занимался Билл. Теперь его нет, и мне повезло, что Кэрол и Рон живут рядом. Не знаю, что бы я без них делала. Не уверена, что справилась бы.

Входите, пожалуйста. Я включу свет. Я стараюсь не жечь его по всему дому, потому что это дорого. «Трайидент» выплачивает нам пенсию, но эти деньги быстро кончаются. Я не могу работать, поэтому дополнительного дохода у меня нет. Да я никогда и не работала; я занималась семьей, пока Билл был на маяке, что еще я могла делать. Я не знаю, с чего начать, имею в виду поиски работы. Не знаю даже, что я умею.

Ладно, расскажите мне, что вы хотите узнать. У меня мало времени, жду мастера, который починит телевизор. Не могу жить без телика. Держу его включенным весь день для компании. Когда он выключен, мне одиноко. Больше всего я люблю викторины, особенно в красивых декорациях. Мне нравится «Семейная удача», потому что там яркий свет и призы; красочное шоу, люблю такие. Я обычно оставляю телевизор включенным, когда ложусь спать, чтобы когда я проснусь, кто-то сказал мне: «Доброе утро». Помогает отвлечься. Ночью хуже всего.

Мрачная это тема, о которой вы хотите написать. Плохо

вообще, что это случилось, не говоря уже о том, чтобы издать об этом книгу. Не знаю, зачем люди вообще читают о темной стороне жизни. В мире и так полно всего плохого. Лучше бы писали о хорошем. Скажите вашим издателям.

Наверное, хотите чего-нибудь выпить? У меня есть кофе, но чай закончился. Я не могу попасть в магазин без машины, а пешком ходить я не люблю. Да и все равно я его не пью. Что, даже воды? Ну как хотите.

Это фотография нашей семьи на Данженнесе. Моему внуку пять, а близнецам два. Потомство Ханны, она не соби-ралась заводить их рано, но так уж вышло. Ханна – моя стар-шая. Еще у меня есть Джулия, ей двадцать два, и Марк, ему двадцать. Между девочками большая разница, потому что трудно было забеременеть, когда Билл постоянно отсутство-вал. О, я не чувствую себя слишком молодой для бабушки. Ощущаю себя старухой. Старше, чем я есть на самом деле. Я храбрюсь, потому что не хочу, чтобы они приходили и виде-ли, что их бабуля все время грустит, но это требует усилий. В день рождения Билла или на нашу годовщину мне хочется лежать в кровати, нет желания даже встать и открыть дверь. Мне все равно, жизнь продолжается или нет. Какая разница? Я никогда не преодолею то, что произошло, никогда.

Вы женаты? Непохоже. Я слышала, что писатели, они та-кие. Больше заняты тем, что у них в голове, а не тем, что снару-жи.

Никогда не читала ваши книги, понятия не имею, что вы

пишете. По одной сняли фильм, да? «Лук Нептуна». На самом деле я его смотрела. Его показывали на «Биб»² перед Рождеством. Неплохое кино. Ваше, да? Ладно.

Не знаю, почему вас интересуют наши дела. Во-первых, вы ничего не знаете о маяках и о людях, которые там работают, вообще ничего. Куча народа сует свой нос, они хотят сделать из этого развлечение. Вы не разгадаете эту тайну, что бы вы о себе ни воображали.

Мы любили друг друга с детства, Билл и я. Вместе с шестнадцати лет. Я никогда не была с другим мужчиной до Билла и после него тоже. Как по мне, мы все еще женаты. Даже сейчас, если я жду внуков на чай и не могу решить, сколько рыбных палочек купить в «Сейфвей», я спрашиваю себя, что бы сказал Билл. Так мне проще.

Никогда не понимала женщин, которые ссорятся с мужьями. Пилят и критикуют их перед другими людьми при всяком удобном случае. Например, он бросил грязную одежду на пол или плохо помыл посуду. Ноют и ноют без конца, нет чтобы порадоваться, что они могут быть со своими мужьями каждый вечер и что им не приходится по ним скучать. Как будто это имеет какое-то значение, стирка, посуда. Жизнь не про это. Если вы не можете не обращать внимания на такие вещи, с вами что-то не так. Вам не стоит выходить замуж.

Что вам рассказать о Билле? Во-первых, он недолюбливал чужаков, которые совали нос не в свое дело. Но это вам мало

² Имеется в виду «Би-Би-Си».

поможет, да?

Биллу с детства суждено было стать смотрителем. Его мать умерла, когда он был младенцем, – такое горе, она умерла в родах, и у него остались только отец и братья. Его отец был смотрителем маяка, дед и прадед тоже. Билл был младшим из троих братьев, и у него не было другого пути. Надо сказать, он протестовал. В глубине души я думаю, что он хотел быть кем-то другим, но у него никогда не было этой возможности, потому что его никто не спрашивал. У него не было никакой власти в семье, никакой.

Он всегда старался угодить другим людям. Говорил мне: «Джен, я просто хочу жить легко» – и я ему отвечала, что для этого есть я, я буду делать его жизнь легче. У нас обоих было трудное прошлое, и это нас объединило. Нам не надо было ничего объяснять друг другу. Люди обычно принимают комфорт как должное, например, хороший дом или горячая еда. Мы хотели лучшего для наших детей. Очень старались делать все правильно.

Поначалу нам везло, нас отправляли на береговые маяки, где можно было жить вместе, или на скалы, где тоже давали дом для всей семьи. Когда мы познакомились, я сразу же сказала Биллу, что не люблю быть одна, хочу всегда быть с кем-то, и если ты станешь моим мужем, так мы и будем жить. Нам предоставляли жилье, но я знала, что однажды мы попадем на башню. Я очень боялась этого. Потому что тогда мне придется проводить много времени одной, воспи-

тывая детей, как будто я из этих бедняг – матерей-одиночек. На башнях обычно хотят работать мужчины без семей – как временный помощник Винс, ему не о ком было заботиться, поэтому его все устраивало. Но не нас. Мы были против. Я так злилась, мы же никогда не хотели попасть на эту ужасную башню, но все равно там оказались, и посмотрите, что из этого вышло.

«Дева» хуже всех, потому что она так далеко, она такая уродливая и угрожающая. Билл говаривал, что она мрачная и затхлая и что у него плохое чувство. «Плохое, тягостное ощущение», так он говорил. Конечно, я часто об этом вспоминаю. Жаль, что я его не расспросила подробнее, но я обычно меняла тему, не хотела, чтобы он расстраивался. И я не любила, когда на берегу он слишком много думал о башне. Хватало того, что он и так проводил там много времени. Мы так долго ждали его возвращения, что дома он должен был быть с нами во всех смыслах.

Вечера перед отъездом Билла были хуже всего. Я начинала грустить, стоило ему ступить на берег, и напрасно, потому что я не радовалась его присутствию, как следует. Я слишком много думала о том, что он снова уедет. Мы всегда проводили последние вечера одинаково. Сидели рядышком на диване и смотрели «Завалинку» или какую-нибудь другую передачу, которая не заставляла нас думать. Перед отъездом Билл сказал, что у него ощущение – так он называл это чувство нервозности и печали. Говорил, что так бывает у моря-

ков, когда они возвращаются на корабли после отпуска дома и им нужно несколько дней, чтобы приспособиться, а до этого они чувствуют, как будто не живут реальной жизнью. У Билла оно начиналось еще до выхода из дома. И это ожидание отъезда было почти таким же плохим, как сам отъезд. Он смотрел в окно и видел, что «Дева» ждет и ждет его, и когда темнело, она загоралась, как будто говоря: «Ага! Ты! Ты думал, я забыла о тебе, да? Вовсе нет». Для нас это было хуже всего – видеть ее. Было бы лучше, если бы мы жили подальше.

Мы проверяли прогноз погоды в надежде, что смена отложится; мы одновременно надеялись на это и нет, потому что тогда ожидание стало бы еще дольше. Я готовила ему любимые блюда, мясной пирог и рулет-мороженое на десерт и приносила на подносе, чтобы он мог поставить себе на колени, но он мало ел из-за этого ощущения.

У меня был календарик, где я вычеркивала дни до его возвращения. Дети помогали мне занять себя. Когда Ханна была маленькой, мы служили на береговом маяке, но остальные дети этого не застали. Билл получил назначение на башню, когда Джулии было всего несколько месяцев, и я осталась одна с пятилетней дочерью и новорожденной, у которой были колики. Трудно было. Каждый раз, когда я видела «Деву», я так злилась. Стоит себе, такая самодовольная. Нечестно, что он с ней, а не со мной, мне ведь он больше нужен.

Ханне нравилось, что ее отец – смотритель маяка, это вы-

деляло ее среди других; отцы ее друзей работали почтальонами или продавцами. Ничего плохого, но не очень интересные профессии, да? Она говорит, что помнит его, но я сомневаюсь. Думаю, самые первые воспоминания могут быть очень сильными и повлиять на всю жизнь. Но нельзя им полностью доверять.

К возвращению Билла на берег я покупала его любимые продукты и делала шоколадные конфеты. Такой у меня был ритуал. Я не хотела ничего нового. Он должен был знать, что его ждет дома и что для него все подготовлено. Как я, я тоже была готова. Это мелочи, которые поддерживают брак: ничего не стоят, но говорят человеку, что его любят, и ничего не просят взамен.

Понятия не имею, что случилось с моим мужем. Если бы дверь осталась открытой, или если бы они взяли лодку, или если бы исчезли штормовки и резиновые сапоги, я могла бы поверить, что Билл потерялся в море. Но шляпка осталась на месте, вещи тоже, а дверь была заперта изнутри. Подумайте только. Лист пушечной бронзы не может сам себя закрыть. А еще часы и накрытый стол; с этим что-то не так.

Накануне, двадцать восьмого числа, Билл вышел на связь по радио. Он сказал, что надвигается шторм. Что надо смениться в субботу.

У «Трайидент-хаус» есть качественная запись этой передачи, хотя я готова поспорить, что они не дадут вам ее прослушать. «Трайидент» держит свои секреты при себе, они не

любят болтать о произошедшем, потому что для них это явно болезненная тема. Но Билл сказал, давайте сделаем это завтра; пришлите утром лодку Джори. И они сказали: хорошо, Билл, сделаем. Я понимаю, что думает Хелен – она считает, что их унесла большая волна. Меня это не удивляет, потому что ей никогда не хватало воображения. Но я знаю, что это неправда.

Я никогда не забуду голос Билла по радио. То, что он сказал и как сказал. Его голос звучал совершенно обычно. Единственной странностью было то, что он сделал паузу в конце, перед тем как дать отбой. Знаете, когда смотрите телевизор и изображение на секунду пропадает, а потом прыгает вперед? Вот так это было.

Я человек «что, если». Что, если в тот день, когда они исчезли, море было спокойным? Что, если Билла забрали? Я не знаю что; я не хочу ничего сказать. Все возможные варианты – что произошло, что они чувствовали, кто там был, сделал ли это кто-то из них, – я думаю об этом каждый день, но всегда возвращаюсь к одному и тому же. Звучит безумно, если произнести это вслух. Но я в это верю. Маяк на башне, один вдалеке, словно овца, отбившаяся от стаи. Легкая добыча.

Вы не производите впечатление человека, которого это интересует. Мне наплевать. Скажу одно. Если вы потеряете человека, который был для вас целым миром, то увидите, как легко провести черту и сказать: все кончено, его больше

нет. Я до сих пор слышу голос мужа. Слышу его, будто он рядом. Когда я блуждаю в темноте, я слышу, как Билл в доме зовет меня, как будто он на заднем дворе чинит велосипедную цепь и спрашивает меня, не хочу ли я чашку кофе.

Я знаю, что это невозможно. Мы не там, где жили раньше. Я переехала в новый дом, он бы не нашел меня. Мы не могли остаться в том коттедже, он для семей зрителей, а не для семей пропавших зрителей. И все равно, чувство такое, как будто я смирилась, что он не вернется. Мне грустно при мысли о том, что он придет к нашему дому, только меня там нет. Но сторож, присматривающий за коттеджами «Девы», скажет мне. Вот какие фантазии крутятся у меня в голове. Хелен другая. Она слишком холодная и прямая. Вот почему, я уверена, она не сказала вам правду. Не думаю, что она понимает значение этого слова. Все время, что я ее знаю, она была хороша только во вранье. Хелен пишет мне письма и отправляет рождественские открытки, но напрасно утруждается. Я их не читаю. Я была бы счастлива никогда больше о ней не слышать.

Думается, ей не помешал бы друг с учетом того образа жизни, который она вела раньше. Но Хелен никогда об этом не говорила. Мы жили дверь в дверь, мы могли бы быть близки, как обычно бывают жены зрителей по всей стране, которые заботятся о семьях и берут руководство в свои руки, когда мужа далеко. Мы делаем свое дело на берегу, а они – на башне. Это правило, по которому мы жили, те, кто

служил на маяке.

Но не Хелен. Она думала, что она особенная. Слишком важная, как по мне, с этими дорогими шарфами и ювелиркой. Я думаю, если бы у меня была куча денег, я бы все равно выглядела обычной, потому что это идет изнутри, да? Красота? Я никогда не чувствовала себя хорошенькой.

В обычной жизни мы бы никогда не соприкоснулись. Мне жаль, что наши дороги пересеклись.

Несчастье Хелен, что она ни во что не верит. Без веры я бы давно уже погибла. Я до сих пор иногда думаю о смерти, но потом вспоминаю о детях и не могу. Если бы я была уверена, что встречу там Билла, то может быть. Может быть. Но не сейчас. Я должна поддерживать свет.

«Трайидент-хаус» однажды намекнул, что Билл сделал это специально. Что он сел на французский корабль и уехал, чтобы начать новую жизнь. Сейчас я уже не злюсь, но тогда я еле сдержалась, чтобы не устроить сцену. Билл никогда бы так со мной не поступил. Он бы никогда не оставил меня одну.

О, в дверь стучат. Пришел мастер ремонтировать телевизор.

Это все? Приходите еще, если что-то нужно. Я не могу разрешить вам остаться, потому что я нервничаю, когда мне приходится делать два дела одновременно, а я должна заняться мастером. Надеюсь, он починит телевизор, потому что вечером показывают «Давай потанцуем». Ненавижу, когда картинка плохая.

10. Хелен

Каждое лето в его день рождения или около того она совершала паломничество. Оставляла собаку у подруги и садилась на поезд до ближайшей станции, которая находилась в полчасе от берега, а остаток пути ехала на такси. Ничего не меняется; все по-прежнему. Жизнь бурлит на поверхности, а сама земля существует в своем медленном ритме. Вечно и беспрестанно катятся к берегу терпеливые волны; трепещут, словно китайский веер, листья бука.

Хелен свернула с центральной улицы на боковую. Мошкара сбивалась дрожащими облачками, от изгородей исходил сильный аромат лесного купыря. Теплые тени осеняли ее путь; оранжевое солнце исчерчивали темные стволы деревьев. Она прошла указатель на мортхэвенское кладбище. Покосившиеся могильные камни неровными рядами спускались к мысу, а дальше простиралось море во всей своей ослепительной синеве.

Могилы здесь никогда не было. Только скамья на берегу и надпись:

*Артур Блэк, Уильям Уокер, Винсент Борн
Мужья, отцы, братья, сыновья, возлюбленные*

Ярко сияет милосердие Отца нашего

Она много раз слышала, как Артур поет этот псалом. Он сидел в ванне, и мелодия вытекала из клубов пара; она гудела над раковиной, пока он намыливал лицо, или на кухне, когда он жарил полоски бекона и нарезал хлеб на толстые ломти. *«Пусть горят нижние огни, посылая отблеск через волну»*. Он приходил домой, пахнувший водорослями, и садился в кресло похрустеть чипсами со вкусом «Сарсонс»⁴; у него были огромные ладони с потрескавшейся, как глина, кожей и темными кругами вокруг ногтей. Артур ловил рыбу голыми руками – было такое? В нем была какая-то магия: морская магия, он наполовину человек, наполовину дитя соленой воды. Поначалу она не знала, что выйдет за него замуж. Пока он не повез ее кататься на лодке, и тогда она посмотрела на него и все поняла. Просто поняла. Там он был другим. Это трудно объяснить. Но все в нем стало понятно.

Указательный столб показывал направление к поселку смотрителей, за которым извилистая тропинка сужалась под напором зелени – обочину захватили заросли примулы и крапивы. А дальше надо было подняться в гору, и являлась «Дева».

Башня возвышалась над кобальтовым морем – тонкая линия, словно нарисованная пером. Хелен подумала, что летом

³ Филип Пол Блисс, псалом 335.

⁴ «Сарсонс» – британская марка солодового уксуса.

по этой дороге ходят туристы; исцарапав ноги терном и фиалкой собачьей, они добираются до этого места и издалека восхищаются маяком – серебряной полоской на серебряном зеркале, а потом, уставшие, бредут обратно, мечтая выпить что-нибудь холодное, и больше не вспоминают о «Деве».

Впереди на пестрой лужайке виднелась металлическая табличка: «Маяк «Дева». Доступ запрещен».

Сюда допускались только жильцы. Тропинка была слишком узкой и извилистой даже для того, чтобы сюда мог заехать мусоровоз; поэтому у ворот стояли пластиковые корзины с номерками, подписанными белой краской.

Это здесь Хелен каждый год надеялась его увидеть, увидеть, как он идет к ней. Может быть, с ним будет еще кое-кто – две тени с поднятыми руками, и она помашет им в ответ. Ей оставалось надеяться только на это: что люди, любившие друг друга, в конце концов найдут путь домой.

III. 1972

11. Артур

Чаще всего я думаю о тебе, когда восходит солнце. За минуту или две до этого ночь переходит в утро и море начинает отделяться от неба. День за днем солнце возвращается. Не знаю почему. Я берегу свой свет, сияющий сквозь мрак, я поддерживаю его сияние; так что сегодня солнце могло бы не утруждаться. Но оно все равно приходит, а вместе с ним и мысли о тебе. Где ты и чем занят. Я не из тех людей, кто склонен к подобным мыслям, но сейчас я думаю об этом. В своем одиночестве я почти поверил, что, когда встанет солнце и когда на рассвете я погашу фонарь, потому что свет уже не нужен, ты можешь быть тут, внизу. Ты будешь сидеть за столом вместе с остальными, может быть, ты старше, чем я видел тебя последний раз, а может быть, такой же.

* * *

Восемнадцать дней на башне

Часы превращаются в ночи, ночи в рассветы, рассветы сливаются в недели, и безбрежное море продолжает катить

свои волны, хлещет дождь, светит солнце по вечерам и утрам. Разговоры в полумраке, разговоры в темноте, разговоры, которые так и не случились или которые ведутся сейчас.

– Снова показывали «Самого умного»⁵. – Билл сидит на кухне с сигаретой во рту, склонившись над своими ракушками. У каждого зрителя должно быть хобби, сказал я ему, когда он приступил к работе, и лучше, если это какая-то полезная работа руками, дело, которым можно заниматься день за днем, пока не дойдешь до совершенства. Старый ГС, с которым я работал, научил меня, как собрать шхуну в бутылке. Лично я считаю это слишком нудным – приклеивать паруса и все такое. Надо возиться несколько недель, перед тем как засунуть ее в бутылку и расправить паруса, и если ошибешься хоть на миллиметр, вся работа пойдет насмарку. Одиночество заставляет человека поднимать свои стандарты. Я это знаю, потому что двадцать с лишним лет служу на «Деве», а Билл здесь уже больше двух лет.

– Что-то интересное?

– Крестовые походы, – говорит он.

– Тебе стоило бы попробовать.

– Что?

– Поучаствовать. Ты столько всего знаешь.

⁵ Речь идет о Mastermind – британском телешоу, создатель которого вдохновлялся допросами в гестапо. Участникам задавали сложные вопросы в неприятной обстановке. Первым ведущим был Магнус Магнуссон.

Билл дует на ракушку и откладывает ее в сторону, потом откидывается в кресле, заложив руки за голову. У моего помощника вид прилежный и скромный, волосы убраны за уши, черты лица мелкие и аккуратные: увидев его на берегу, вы примете его за бухгалтера. Струйки дыма поднимаются от его ноздрей и уголков рта вверх, где сливаются с легкой дымкой, оставшейся от других курильщиков.

– Я знаю много чего, – говорит он, – но недостаточно хорошо.

– Ты знаешь море.

– Нужна конкретика, не так ли? Нельзя просто сказать этому старому ублюдку Магнуссону: «Спроси меня о море». Слишком обширная тема, они так не захотят.

– Ладно, тогда маяки.

– Не будь придурком, нельзя выбрать свою профессию в качестве темы. Имя: Билл Уокер. Профессия: смотритель маяка. Тема: поддержание работы маяка.

Он тушит одну «Эмбасси» и прикуривает следующую. В это время года очень холодно и нам приходится держать окна закрытыми, и поскольку в этом помещении мы и готовим, и курим, и от готовки тоже идет дым, тут скоро будет адская духота.

– Ждешь возвращения Винса? – спрашиваю я.

Билл выдыхает воздух сквозь нос:

– Не стану отрицать.

Я беру его кружку и ставлю чайник. Здесь наши дни и ве-

вчера измеряются чашками чаю – особенно в это время года, в декабре, в разгар зимы с ее поздними рассветами, ранним заходом солнца и промозглым холодом. Я просыпаюсь по будильнику в четыре утра, ложусь спать после обеда, снова просыпаюсь, отодвигаю занавеску – и день уже закончился. Сегодня, завтра, следующая неделя – как долго я спал? Это кружка Фрэнка, черно-красная с надписью «Бранденбургские ворота». Фрэнк такой зануда, завтра, возвращаясь на берег, он наверняка заберет ее с собой, чтобы никто из нас ее не слямзил. Мы все пьем чай по-разному, поэтому тот, кто его заваривает, должен все помнить. Даже когда после нескольких недель отсутствия вернется Винс, мы приготовим ему чай, как он любит. Так мы проявляем заботу. Дома Хелен никогда не кладет мне сахар, но я не жалуясь, просто смирился, не скандалить же из-за этого. Но здесь мы привыкли поддразнивать друг друга. «Слабоумный придурок, у тебя память как решето».

Билл говорит:

- Ты знаешь, что Фрэнк сначала наливает молоко? Пакетик, молоко, потом вода.
- Иди к черту. Молоко вторым.
- Я так и сказал.
- Чай не может настояться в молоке.
- Те, кто использует слова вроде «настояться», придурки.
- Если бы я был на месте ГС в «Лонгшипс», тебе пришлось бы следить за языком.

Но брань – она как чай: все эти словечки помогают поддерживать разговор. Если ты ругаешь кого-то, это значит, что вы друзья и понимаете друг друга. Неважно, кто он и что я здесь главный. Здесь мы так общаемся, но все меняется, как только мы сходим на берег. Если бы жены нас слышали, они пришли бы в ужас. Дома нам приходится прикусывать язык, чтобы не сказать, как твои дела, мать твою, как охренительно тебя видеть, и кстати, какая хрень сегодня будет к гребаному чаю?

– Вчера вечером эта женщина, – говорит Билл, – она рассказывала о Солнечной системе.

– Так в чем дело, это шире, чем море.

– Да, но что они спросят – чертовски очевидно. Планеты и все такое. Они спросят о Нептуне и Сатурне и наверняка еще об Уране.

– Как тебе не надоело, Билл, чертов придурок.

– Но с морем не так очевидно. Все, что касается моря, не так очевидно.

– Мне это нравится.

– А мне нет. Мне не нравится то, что я вижу.

Когда Билл впервые пришел на «Деву», я подумал: как у него сложится? Некоторые люди раскрываются, а другие нет. Билл тихий и сдержанный. Он напоминает мне самца гориллы в лондонском зоопарке, наблюдавшего за посетителями из клетки. С тех пор я пытался разгадать выражение его морды. Давно выгоревшие злость и скука. Смирение. Со-

чувствие ко мне.

Времени для бесед полно, особенно в середине вахты, с полуночи до четырех, когда все разговоры сводятся к мрачным темам, которые ты никогда не затронешь утром. Тот, кто несет вахту раньше, заваривает тебе чай, собирает тарелку с сыром и сладкими бисквитами, относит все это наверх к фонарю и сидит с тобой примерно час, перед тем как пойти спать. Он делает это, чтобы помочь тебе проснуться и включиться, чтобы ты, оставшись в одиночестве, не уснул опять. Когда это мы с Биллом, он рассказывает мне то, о чем днем жалеет. О том, что он должен был стать другим человеком, и жить другой жизнью, и сказать «нет» во всех случаях, когда он говорил «да». Что Дженни просит у него ракушки, которые он вырезает, но он не хочет ей их дарить. Он бы предпочел оставить их себе, как и многое другое.

* * *

Иду спать. Кровати-бананы поистрепались с тех пор, как я начал тут работать. Сухопутные приходят в изумление: это не шутка, неужели вы и правда спите на этих кривых матрасах? Но с годами мой позвоночник, должно быть, приспособился, потому что когда-то после двух месяцев на башне у меня болела спина, а по возвращении на берег все тело ныло, как у старика. А сейчас я почти ничего не чувствую. Нормальные кровати кажутся мне жесткими и неудобными. Мне

надо делать усилие, чтобы заснуть лежа на спине, но я просыпаюсь, подтянув колени к груди.

Я должен был уснуть, едва положив голову на подушку. Когда у нас появляется лишний час ночью или рано утром или возможность коротко подремать перед дневной вахтой, мы этим пользуемся. По крайней мере, я это делал на других маяках. Сейчас сон ускользает от меня. Ко мне приходят видения – глубокое море и Хелен; башня, какой она кажется издавлекa с берега, и головокружительное, неправдоподобное ощущение, будто я одновременно там и здесь, или ни там и ни здесь. Я отворачиваюсь от занавески, которая отгораживает мою кровать; смотрю на стену в темноте, слушаю море, свое сердцебиение, мысли бегут, я думаю и вспоминаю.

* * *

Девятнадцать дней

Яркое солнце – идеальные условия для смены Фрэнка; моряки являются поздно, прямо перед обедом, со словами, что лодка не заводилась. Что ж, отличная погода для его отъезда и возвращения Винса, который даже при беспокойной воде с легкостью высаживается на площадку. Винс молод, черноволос и носит усы в стиле «Супертрэмп». Обустраивается он довольно быстро. Все на своих местах, и мы много раз практиковались в распаковке вещей, чтобы легко и быстро возвращаться к своим обязанностям. В водонепроницаемой

сумке приехали письма из дома. Для меня – одно официальное, адресованное главному зрителю.

– Вот и все, – говорит Винс. – Брежневу луна не светит.

Мы ждем жратву, а Винс рассуждает о советской ракете, которую в прошлом месяце запустили в космос, но она взорвалась в воздухе. Так странно слышать о том, что происходит в реальном мире, в другом мире. Тот мир может исчезнуть за секунду, а для нас ничего не изменится. Не уверен, что мне нужен тот, другой мир. Любой город, любая комната шире, чем два человеческих роста, кажутся несерьезными, яркими и излишне усложненными.

– Чертовы коммунисты, – говорит Билл. – Что за разговоры о кучке прибабахнутых зануд? Что хуже – угроза войны или сама война?

– Без вариантов, мужик, – отвечает Винс. – Я пацифист.

– Ну конечно, чего от тебя ожидать.

– А что не так?

– Пацифизм – предлог для того, чтобы ни хрена не делать. Только отращивать бороду и усы и трахать весь Лондон.

Винс откидывается в кресле и курит. Он с нами только девять месяцев, но уже так привычен, как кухонный шкаф. Я повидал десятки зрителей, но к некоторым привязываешься сильнее, чем к другим. Не уверен, правда, что он нравится Биллу.

– Ревнуешь, – говорит он Биллу.

– Иди к черту.

– Когда тебе было двадцать два года?

– Не так давно, как ты думаешь, придурок.

Так они и общаются, Винс дразнит Билла стариком, хотя тому всего лишь тридцать с небольшим, а Билл огрызается. По идее, всем должно быть смешно, но когда дело касается Билла, никогда не можешь быть уверен. Он никогда не вел такой образ жизни. В двадцать лет он был уже женат, и Дженни планировала детей. И он уже работал на маяках.

Винс привез с суши окорок, и теперь он жарился на плите вместе с яйцом, брызгаясь и издавая невероятный аромат. Мы с Биллом уже две недели не ели свежего мяса, и консервы лучше, чем ничего, но они не сравнятся с настоящей едой. Довольно быстро все, что достается из консервной банки, приобретает один и тот же вкус – вкус жестянки, и неважно, что это – фруктовый коктейль или кусок ветчины «Спэм». На самом деле «Спэм» неплох, если его приготовить, но если его просто плюхнуть на тарелку холодным, как обычно делают Винс и Фрэнк, то недолго стать вегетарианцем.

Сегодня готовит Билл; у него получается лучше, чем у любого из нас. Винс бесполезен, а я неплох, но я не такой энтузиаст, потому что я много готовлю на берегу в отличие от Билла. Его жена все делает сама. Билл говорит, это все равно что быть в тюрьме, когда все делают за тебя, «только задницу не вытирают», а потом Винс возражает, что это непохоже на тюрьму, потому что в тюрьме нет апельсиновых меренг и ромовых баб и женщины не предлагают сделать массаж ног,

не так ли? Билл говорит, что ты в этом понимаешь, плут. И тут вступаю я, чтобы сгладить обстановку, пока они не разругались вдрызг.

Винс говорит:

– Что ты думаешь, мистер ГС?

– Насчет чего?

– Пусть бурлит или лучше пусть взорвется?

Мне хочется сказать, что все эти обсуждения холодной войны, Никсона, СССР и планов японцев совершить налет на Москву кажутся мне совершенно бессмысленными. Если все, что у нас есть – это башня и товарищи, с которыми мы живем на ней, просто живем, ничего не ожидая и ни во что не вмешиваясь, с которыми мы зажигаем свет ночью и гасим его на заре, спим и бодрствуем, говорим и молчим, живем и умираем, нельзя ли обойтись без всего остального?

Но вместо этого я отвечаю:

– Надо хранить мир, пока возможно.

И, надеюсь, у меня получится это в течение этой вахты.

Но разговоры Винса о ракетах напоминают мне о том, что было много лет назад. На Бичи-Хед занимался рассвет, я был один на маяке, солнце вот-вот должно было взойти, и тут я увидел, как в море что-то упало. Было тихое туманное утро, настолько раннее, что еще можно было увидеть звезды, и такое прекрасное, что казалось, будто рай где-то рядом, только надо поднять взгляд и посмотреть, и тут эта блестящая металлическая штука вылетела из ниоткуда и бесследно скры-

лась в воде. Не знаю, какой она была величины и насколько далеко от меня, потому что с моей точки наблюдения море кажется неизменным.

Я видел это и не могу это объяснить. Обломок самолета, закрылок или спойлер – вот объяснение, я это знаю, знаю, но в том, как оно летело, как падало, была особенная динамика, грация и цель, которую я не могу описать. Я никому не сказал, ни мужчинам, с которыми работал, ни Хелен. Но я подумал, что это был ты.

Ты подарил мне бесценный подарок, и я тебе благодарен.

* * *

В спальне всегда темно, потому что обычно здесь кто-то спит или пытается уснуть в любое время дня и ночи. Зимой постоянная темнота дезориентирует, и в сиротливом окне не отличить закат от рассвета. Когда я закрываю дверь и вижу свою безжизненную мягкую руку, мне кажется, будто она принадлежит не мне, а более молодому человеку, который в другой вселенной открывает дверь, а не закрывает.

Книга, которую я читаю, называется «Обелиск и песочные часы» и рассказывает об истории времени. Я нашел ее в благотворительном магазине «Оксфам» на центральной улице в Мортхэвене. Я представил, что впоследствии смогу увидеть все, о чем читаю: египетские пирамиды, храмы Южной Америки, висячие сады Вавилона. Когда – неважно; главное –

это ощущение возможности, которое у меня есть.

После свадьбы мы с Хелен ездили в Венецию. И провели неделю, питаясь хлебом с маслом и ветчиной, розовой и тонкой, как папиросная бумага. Мы бродили по промозглым улицам и под мостами, где пахло яйцами и солью. Сейчас он кажется мне нереальным – тонущий мир теней и воды с золотыми крышами и звенящими колоколами.

Обложка «Обелиска» мягкая, на ней изображены солнечные часы. На башне мы измеряем время днями: на сколько дней продвинулся каждый из нас в своей восьминедельной вахте. Хелен говорит, что заключенные в тюрьме так же отмечают мелом срок на стене, и, наверное, так и есть. В Древнем Китае умели измерять время по свече. Чертили линии на воске и следили, какая часть свечи растаяла, и часы не терялись. Можно было собрать воск и снова отлить свечу, если хотелось. И снова завладеть тем же временем.

Хелен не знает, а я никогда ей не говорю. Я никогда не рассказываю ей о тебе. Кое-что находится за гранью, и ты тоже. Но я думаю о свече и о сгоревшем времени; мне интересно, минувшие часы исчезают бесследно или есть способ вернуть их? Что, если я смог бы вернуть тебя?

Я здесь слишком долго. Одинокие ночи и вихри темноты, сворачивающиеся и разворачивающиеся кольцами в черном море, а небо еще чернее. Возьмите человека, даже самого циничного, поставьте его на утреннюю вахту, когда восходит солнце и черно-красное небо становится оранжевым, и ска-

жите ему, что это все. Больше ничего нет.

Закрытыми глазами я вижу загадочный пульсирующий свет на побережье. Он зовет из темноты, сияющий, сверкающий, и требует, чтобы я оглянулся и посмотрел.

12. Билл

Переправа

Тридцать пять дней на башне

Сколько раз я зажигал этот фонарь? Восемь месяцев в году, каждый год, плюс-минус получается двести сорок дней; умножить на количество лет службы – около пятнадцати, и получим три тысячи шестьсот – столько раз я зажигал этот фонарь или какой-то другой. Что касается количества часов, которые я провел на маяках, я предпочитаю не считать их.

Нагреть спирт, пустить пар, повернуть кран и поднести спичку к кожуху. Я мог бы сделать это с закрытыми глазами, хотя сомневаюсь, что «Трайидент» позволит. В стеклянной клетке вспыхивают языки огня. На «Деве» осветительный прибор не двигается; вместо этого вращаются расположенные вокруг него линзы, усиливая луч света.

Сейчас восемь часов. В полночь у меня закончится вахта. В моем распоряжении будет вся ночь, и можно будет поспать в то же время, когда обычно спят на берегу. Но до этого я буду следить, чтобы огонь горел и давление не падало; записывать в журнал данные о погоде, температуре, видимости, атмосферном давлении и силе ветра. Кроме этих вещей, которые не требуют от меня особого внимания, я буду сидеть и

размышлять о том, как человек может изменить свою жизнь, если он недоволен судьбой. У меня для этого много часов. Когда я зажигаю или гашу свет, от меня зависит весь мир. Рассвет и закат принадлежат только мне, и я могу делать что хочу. Прекрасное ощущение.

* * *

Винс привез передачу от Дженни. Если я не прочитаю ее письмо сейчас, оно будет висеть надо мной и смотреть таким же взглядом, как смотрела бы она. Иногда, если постараться, в смотровой комнате можно почувствовать присутствие другого человека. Будто он здесь с тобой, нравится тебе это или нет. Он сидит рядом, и у тебя волоски на руках становятся дыбом. Или сзади смотрит тебе в затылок и думает о тебе то, что лучше бы не думал. Ты поворачиваешься, но никого нет, смотровая пуста, здесь только ты. Но ты должен был убедиться.

Она прислала коробку самодельных шоколадных конфет. Я представил, как она кладет их ложечкой в бумажные обертки, а на заднем фоне показывают «Арчеров». Дженни Хитон. Первый раз я увидел ее, когда она выходила из школы – косички, юбка ниже колен. Дженни никогда не нравились ее колени, она считала их бугристыми. Сестра однажды

сказала, что они похожи на корниш пасти⁶, и Дженни это запомнила навсегда. У меня было такое же чувство, когда я сходил на свидание с девочкой из соседнего дома, Сьюзан Прайс, а через несколько месяцев она меня бросила со словами: «Ты слишком маленький, Билл Уокер, мне нужен кто-то повыше».

Сначала с Дженни было неплохо. Мы лежали в постели у нее дома, ее мать сидела пьяная на диване на первом этаже, а Дженни цеплялась за мои руки холодными пальцами. Я чувствовал ее колени под одеялом и говорил ей, что они мне нравятся, что с ними все в порядке и можно я поцелую ее еще разик? Мы мало разговаривали. Я никогда не любил болтать, и она не возражала; я думал, это ее достоинство, отличие от других девушек. Потом она однажды прошептала в темноте: «Ты такой же, как я, Билл», – и я до утра не мог уснуть и переживал. Сначала я просто хотел переспать с девушкой, чтобы потом рассказывать об этом моим братьям. А теперь я чувствовал какую-то рождающуюся потребность. Ключ в замке.

Дженни написала письмо на бумаге, которую она стащила из шикарного отеля в Брайтоне, где мы провели медовый месяц.

Билл, милый, я скучаю по тебе. Прошло уже больше ме-

⁶ Корниш пасти – традиционный английский пирог с мясной начинкой (прим. ред.).

сяца. Без тебя дом такой пустой. Как жаль, что ты не дома с нами. Дети каждый день спрашивают меня, когда ты вернешься (и это расстраивает меня еще сильнее!). Я все время плачу. И малыши тоже, ночь напролет. Я стараюсь быть сильной, но это тяжело. Я чувствую уныние от того, что еще долго тебя не увижу и мы только на середине разлуки. Я ничего не буду делать, пока ты не вернешься. Не хочу никуда ходить и никого видеть. Иначе мне хочется плакать, и мне так трудно сдерживаться.

Я чувствую ее пальцы в своей руке, в той постели.

Другие люди не понимают это, да, Билл? Как ты мне нужен и как я по тебе скучаю. Так больно быть в одиночестве, у меня сердце болит. Меня тошнило после твоего последнего отъезда. Ханна услышала. Я соврала ей, что отравилась мясными шариками, которые мы ели с чаем, но это неправда. Мне приходится врать всем подряд, когда тебя нет. Я сама не своя. А ты, Билл?

** * **

На кухне я поджариваю тост из магазинного белого хлеба, привезенного Винсом. Мамина гордость – семья, хлеб-

ная семья⁷. Нельзя поджарить тосты из хлеба, который печем мы сами и который получается то лепешками, то булочками. Края тоста подгорают на гриле, но мне так нравится, и кто-то говорил, что уголь, кажется, полезен, потому что там углерод. Я намазываю его «Мармитом», и это перестает иметь значение. Я кусаю тост, и раздается такой звук, как будто хворост потрескивает на костре.

Человек может придумать для себя множество оправданий. Я трус. Это точно. Когда мне было десять, отец застал меня в спальне с фонариком и книгой. Он ударил меня в ухо и сказал: «Ты ослепнешь, если будешь так щуриться; и тебя не возьмут на службу в очках». Я поверил ему насчет очков и насчет того, что маяк – единственное, на что я гожусь. Так что мне надо справляться со своей работой, иначе что я буду делать? Много лет спустя мой старик заболел и слег, он худел с каждым днем, пока вовсе не исчез, и от него осталось только кислое отверстие на месте рта, откуда доносилось: «Это твоя вина». Так оно и было. Я родился, свернувшись клубком, словно котенок, которого засунули в мешок, чтобы утопить.

Море отравило всех нас. Мы не могли от него избавиться даже после смерти. У моего старика была двоюродная сестра в Дорсете, она жила в квартире с видом на Уэст-Бэй. По всему дому у нее висели морские картины – сюжеты из Вет-

⁷ Билл вспоминает рекламный слоган торговой марки Mother's Pride, производившей хлеб.

хого Завета с яростными небесами и пенящимися волнами; кораблями, которых швыряло по морю. Я ненавидел поездки к ней, водовороты и батальные сцены, палящие пушки, красные флаги на мачтах, трепещущие под яростным ветром. У нее дома пахло хересом и раскрошенным песочным печеньем, которое она пекла и складывала в пластиковые коробки. Когда она умерла, мы сели на лодку в Лайме и развеяли ее прах над водой. Большая часть его попала мне на лицо, и я тогда подумал, что никогда не избавлюсь от этого проклятого моря.

Неважно, что я так и не научился плавать. Отец сказал, не надо уметь плавать, чтобы сидеть на маяке. На уроках я не мог донырнуть до кирпича; я рвался к поверхности, зажмурив глаза и зажав нос, и заложенными ушами слышал эхо детских насмешек.

Наверху у фонаря ход времени не ощущается. Часы теряются, и, хотя мне платят за то, что я бодрствую, и я действительно бодрствую, нет сомнения, что я впадаю в состояние полудремы, потому что в смотровой комнате мне в голову приходят странные мысли, и я уверен, что мне это грезится. Дженни на берегу с плачущим младенцем и дерущимися девочками; игрушки на ковре, раздетая кукла Синди с головой, повернутой задом наперед, чтобы грудь оказалась на спине. Дженни не стала покупать детям мальчиковую версию, потому что они уже скоро вырастут. Рыбный пирог к чаю, детские крики за столом. Каково это – больше не вернуться и

не увидеть все это?

Жена считает дни до конца моей смены. Когда погода позволяет и лодка отправляется за нами, она начинает суетиться и делать все то, что всегда: готовить еду и напитки, которые я любил давным-давно, но теперь не люблю. Только я не вернусь. Не знаю, куда я пойду и как это произойдет, но это хорошо – не знать. Это просто случится.

* * *

Перед полуночью я прихожу в спальню за Винсом. Бужу его шлепком ладони и обычным приветствием: «Вставай, ленивое дерьмо, пора вставать», – а потом иду на кухню и собираю наш привычный поднос. Винсу нужен этот первый тычок, а потом еще один, после того как я приготовлю напитки, и тогда он наконец отрывает свою задницу и поднимается в смотровую комнату.

Дома я никогда не утруждал себя тем, чтобы положить печенье на тарелку, и бог знает, почему я делаю это здесь. Два толстых куска выдержанного «Дэвидстоу»⁸ – сыр покрылся пленкой и белыми точками по краям, значит, его надо быстро съесть.

К моему удивлению, Винс уже там; он сидит в кожаной куртке поверх пижамы. Они с Артуром – две противополо-

⁸ «Дэвидстоу» – разновидность чеддера.

ложности, Артур одевается так, будто каждую секунду ждет инспекцию из «Трайдента»: чисто выбритый, причесанный, туфли сияют, в то время как Винс слоняется в пижаме BHS и в лохматых тапочках.

Работая с другими зрителями, быстро привыкаешь к их поведению. Винс работает здесь меньше года, и с учетом смены вахт и дежурств я провел в его обществе мало времени. Но месяц на башне – все равно что десять лет на берегу, так хорошо ты узнаешь человека. Перед тем как начать разговор, Винс пьет чай, и когда он приступает к делу, это не светская беседа о погоде, состоянии фонаря или происшествиях за день. В этот переходный час правила отправляются на помойку. Правила, что можно делать, а что нет. Что можно и нельзя говорить. Именно тогда Винс рассказал мне, за что его посадили.

Не всю эту чепуху, за которую он сидел раньше. Имею в виду самое плохое.

– Ты никогда не рассказывал, в чем твоя проблема, – говорит он.

– В чем?

– В этом. – Он ковыряется в зубах. – В море. Просто ты его не любишь, да?

– Почему?

– Какая разница почему? Ты же не говоришь пилоту, мол, если ты любишь самолеты, значит, ты должен любить небо, тогда выпрыгни из кабины прямо в воздух.

– Всегда должна быть причина, не так ли?

– Не знаю.

– У меня это собаки, – говорит Винс. – У одного из сводных братьев был этот дьявол ротвейлер, однажды он набросился на меня просто так, ни за что. Вцепился в руку и начал трясти ее, как кусок мяса, да моя рука и была для него куском мяса, для этой псины. Угадай, как ее звали? Лепесток. Гребаный Лепесток – имя для такого пса. С тех пор я терпеть не могу собак. Каждый раз мне кажется, что она набросится на меня.

– Я недолюбливаю море, а оно меня.

– Сомневаюсь, что у моря есть к кому-то чувства.

Но они есть. Это безразличие. Когда мы навещали двоюродную сестру в Дорсете, мой старик входил в мою комнату, когда все спали, и смотрел на меня немигающим взглядом. Снимал ремень и садился на край кровати, раздумывая, что делать с ремнем или со мной, и его запястья белели в лунном свете. Море равнодушно глядело на меня со стен. Оно не помогало мне тогда и не поможет теперь.

– Меня от него тошнит, – сказал я. – Чертовски тошнит.

– Имеешь в виду, тебя укачивает?

– Нет.

Хотя такое тоже бывало. С тех пор как я начал тут работать, я ненавижу переправу. Даже в хорошую погоду меня трясет, как чертика в табакерке. Я был бы счастлив, если бы это закончилось. Я начинаю бояться пути назад, как только

оказываюсь на берегу, а на башне я ужасно боюсь пути на берег. По идее, я должен чувствовать себя лучше всего либо дома, либо на маяке, но нет. Мне плохо везде. Кроме как с ней.

– Почему ты не найдешь другую работу? – спрашивает Винс. Я слышу, как он чавкает заплесневевшим сыром. Хлюпает чаем.

– Господи. Что это за допрос в гестапо?

– Не надо на меня огрызаться. Ты как эта гребаная собака.

– У нас есть дом. Мы неплохо устроились. Не знаю, что еще я мог бы делать.

– Ты мог бы пойти учиться.

– Легко сказать, – отвечаю я. – У тебя нет детей, жены, которых надо кормить. Сейчас за все это говно я получаю двадцать три фунта в неделю, а что дальше?

– Ты бы мог стать ГС.

– Я не Артур.

– У тебя бы получилось.

Печенье падает у меня изо рта.

– Я не такой, как он.

Мне часто хочется рассказать, что я сделал Артуру. И продолжаю делать. Просто чтобы услышать, как это звучит. Я мог бы поделиться с Винсом. Но момент прошел.

– Чувак, мне нравится возвращаться сюда, – говорит он. – Нравятся маяки. В них больше красоты, чем я где-либо видел. Вот почему я здесь. Получил эту должность. Скоро ста-

ну помощником, как ты, потом обзаведусь своим домом. Когда-нибудь стану ГС. Буду жить на маяках.

– Для этого много не надо.

– Работа на маяке – это искусство, как по мне.

– Какое искусство? Все, что мы делаем, – это зажигаем огонь, следим, как он гаснет, и все заново. Обезьяна бы справилась, если бы ее наддрессировали. Проверить связь. Приготовить еды. Что еще?

– Намного больше, – говорит Винс. – Я уже рассказывал тебе, что долго сидел в тюрьме и что есть люди, которые смиряются с этим, а есть те, кто не может. И если тебе нормально в клетке, это плохо. Понимаешь? Весь смысл в том, чтобы быть снаружи. Но если тебе нравится взаперти, неважно где, в «Уондсворте» или на маяке, если ты не за решеткой, но все равно в тюрьме во всех смыслах этого слова, с тобой все ясно. С нами в каталажке сидели парни, которые были словно львы. Они сражались, крушили все вокруг или убивали себя, потому что они думали только о свободе. Вот что я тебе скажу, Билл. Я чувствовал себя свободным все время, пока там сидел. Ни разу я не чувствовал себя по-другому. Вот как, понимаешь? Вот что я хочу сказать. Если тебе плохо в башне, дело не в башне.

* * *

Моя первая высадка на «Деву» была ужасной. Я наслу-

шался всяких историй – она задаст тебе жару, следи в оба или пойдешь на корм рыбам. Временный смотритель, которого я должен был заменить, переработал уже две недели, и его жена была больна; в других обстоятельствах в такую погоду они не стали бы посылать смену. Море было бурным, и дождь лил как из ведра, но «Трайдент» принял решение, и нам ничего не оставалось.

Большую часть переправы я просидел, скрючившись у борта. Запах сигары лодочника смешивался с брызгами соли и привкусом желчи. Я думал о кирпиче на дне бассейна и о том, как меня, немого и глухого, будет швырять в воде, пока я буду тонуть. Море швыряло нас вверх и вниз, билось о лодку, и мы с трудом держались по курсу. Стоящая посреди открытой воды башня вызывала у меня болезненное благоговение и ужас, как и другие гигантские творения рук человека: массивные пилоны, градирни и огромные стальные туши грузовых кораблей.

Особой подготовки не требовалось. Тебе просто надо приехать, а мужчины на лодке и на площадке сделают все остальное. Я уловил суть, мне было сказано считать себя еще одной коробкой с продуктами, транспортировать меня будут примерно так же. Приходится доверять людям на обоих концах веревки. Но в тот день проблема была не в людях и не в лебедке; дело было в море, и море творило что хотело. Я запутался в упряжи – хлипкой петле, которая шла у меня под мышками, и вцепился в веревку так, что натер ладони.

Меня поднимали в воздух дюйм за дюймом, пока наконец башня не оказалась совсем рядом. Мне было ужасно плохо. Я пытался не смотреть на плюющееся море под ногами и на глубину, разверзшуюся подо мной.

Внезапно веревка дернулась, волна отхлынула на тридцать футов и унесла лодку слишком далеко от башни. Воздух наполнился криками и настойчивыми возгласами. Я зажмурился. В этот момент мне было все равно, что со мной станет. Какое-то время я болтался в упряжи на воле стихий, волны то облизывали мои ботинки, то отступали. Из лодки доносились вопли:

– Тащи его наверх! Тащи его наверх!

Потом:

– Тащите его обратно! Вы что, хотите убить его?

Дождь лупил меня по лицу, ветер хлестал и рвал одежду. Я открыл глаза и увидел мужчину, наклонившегося ко мне с площадки. Это был Артур Блэк, главный смотритель, он протягивал мне руку. Я рванулся к нему, но море швырнуло меня о бетонную стену с такой силой, что из меня вышибло дух.

– Отлично, парень, – сказал мой ГС, – ты на месте.

Я вцепился в холодную и скользкую лестницу и начал подниматься к горячему темному рту башни.

Артур приготовил мне чаю и прикуривал сигарету за сигаретой, пока я не согрелся.

Бедняга Билл. Впечатлительный Билл. Представляю, что

он обо мне думает. Трус Билл, которого тошнит при каждой высадке. Билл, который никогда не протягивает руку слабейшему, а только принимает чужую помощь; он не из той породы, из которой вырубают ГС. Он тонет на поверхности и не может донырнуть до кирпича.

Иногда, закончив очередную ракушку, я выбрасываю ее в океан из окна спальни, даже если мне нравится, что получилось. Ветер уносит ее, и меня греет мысль о том, что ракушка возвращается в море. Миллионы лет существования, выживания, давление доисторических волн – и все ради того, чтобы однажды ее выбросило на далекий берег и человек вроде меня обточил ее по своему вкусу, изобразил на ней свои фантазии, а потом, закончив, вернул ее туда, где все началось.

13. Винс

Одиночка

Два дня на башне

Утро вторника. Три недели до Рождества. На маяке нет ни выходных, ни праздников; ты должен уделять ему все свое время. Остальные скоро начнут думать о том, чем занимаются их семьи, и чувствовать себя обделенными, потому что они торчат здесь, в то время как дома ставят елки и едят сладкие пирожки. Насколько я знаю, вроде так положено делать. Не помню, чтобы я хоть раз праздновал Рождество как надо. В тюряге у нас были скудный ужин и бумажные шляпы, но что касается магии Рождества, я понятия не имею, что это.

В это время года нельзя гасить фонарь до восьми часов вечера. А когда восходит солнце, я начинаю разбирать горелку и заменять детали на чистые в ожидании вечера. Потом я опускаю заслонки на линзы. Вряд ли в декабре солнце будет настолько ярким, что начнется пожар, но у меня уже привычка, и в любом случае так они остаются чистыми. Такое ощущение, как будто наряжаешь лампу на день и раздеваешь на ночь. Никогда не рассказываю это остальным.

У меня утренняя смена, поэтому я готовлю завтрак. Мы

еще не доели бекон, который я привез, так что я жарю его и оставляю на плите, чтоб не остыл, пока остальные встают. Обычно запах их будит, и кто бы что ни говорил, но запах жарящегося бекона – лучший запах на планете. Быть дежурным по кухне на «Деве» не так уж и плохо, наш ГС готовит почти так же хреново, как и я, поэтому я не переживаю. На моем первом островном маяке смотрители были повернуты на кулинарии и язвили каждый раз, когда я ставил перед ними тарелки. Довольно грубо с их стороны, поскольку они никогда ничему меня не учили, хотя я просил. Мне доставались только насмешки. Когда я начал этим заниматься, я даже не знал, как называется половина ингредиентов.

– Кто-нибудь слышал птиц? – спрашиваю я, когда мы усаживаемся за стол.

– Каких птиц? – говорит Артур.

– Вчера вечером. Их были тучи, налетели на меня.

ГС встает и идет в фонарный отсек проверить лампу; пусть даже на дежурстве кто-то из нас, он все равно отвечает за маяк. Он заботится о нем, как о ребенке.

Билл низко опускает голову к тарелке, он всегда так делает, когда ест, пригибается поближе к еде. Рядом дымится сигарета, так что он может есть и дымить, дымить и есть.

– Почему ты позволяешь ему так с тобой разговаривать? – спрашивает он. – А? Будто ты debil.

Я вытираю рот.

– Это ты меня так называешь.

– Разве ты не видишь, что он сделал?

– Что?

– Побежал проверять, что не так. Где ты облажался. Думает, что тебе нельзя доверять. И обо мне он думает так же.

Излюбленная тема для зрителей – ныть по поводу того, кого сейчас нет в комнате. Все равно что открыть бутылку или выпустить пар со словами: «Ужасно раздражает, когда он делает то-то. Временами он такой говнюк, правда?» В этом нет злости, так негативные эмоции уходят прочь, вместо того чтобы булькать внутри.

Но Билл более резок, чем обычно. Он устал. Я наблюдаю, как он докуривает последнюю «Эмбасси», расплющивает ее в пепельнице и отодвигает тарелку. ГС возвращается.

– Ты не мог там прибраться? – упрекает он меня.

– Тогда вам нечем было бы заняться до самого обеда. Билл все почистит, правда, Билл?

– Иди в жопу.

Артур убирает со стола со словами:

– Спасибо, было вкусно.

* * *

После обеда я беру ведро и совок и поднимаюсь на смотровую площадку. По правде говоря, сначала я не понял, как много было птиц. Они налетели рано утром, около пяти часов, словно мотыльки, – сколько их было, кто знает. Все эти

перья и хлопающие крылья – их могло быть и десять, и сто. Я выкурил сигарету на морозе; мертвое серое небо, мертвое серое море; мои руки тоже казались мертвыми и серыми, пока я не отмыл их. Буревестники – это паразиты, как говорит Билл, их не жалко, но, глядя на их распластанные тела и свернутые шеи, я не мог согласиться с ним. Однажды я слышал, что зрители «Епископа» обнаружили, что смотровая площадка полностью забита кричащими птицами. Некуда было поставить ногу, ни единого свободного дюйма – натуральный Ноев ковчег. И пока не стемнело и маяк не зажегся на полную мощность, птицы не улетали. Свет маяка привлек их и ослепил, а потом отпугнул.

* * *

Три дня

Я думал, что на этот раз мне будет трудно вернуться на башню, ведь мы с Мишель становимся все ближе. Но, пережив первые несколько ночей, я нашел в этом свои плюсы. У меня полно времени, чтобы думать о ней. То, что я сказал Биллу на дежурстве, – это правда: все, чего я хочу, – это стать помощником зрителя, мне нужна эта стабильность, которую обеспечивает «Трайидент». Тогда я смогу спросить ее: ну что, ты согласна? Теперь я парень с перспективами.

Я готовлю обед, потом ГС моет посуду и садится в свое кресло с чашкой чаю и кроссвордом. Угощает меня сигаре-

той. Артур всегда готов поделиться. Когда я получил место на «Олдерни», тамошний ГС в жизни ничем не делился и не видел в этом смысла. Он клеил на свои кружки и пакеты надписи: «Не трогать» и «Держитесь подальше». В результате мы могли брать только масло, табак и соус НР. И никто не хотел с ним общаться. Артур не беспокоился о своих вещах, продуктах или чем-то еще. Все пройдет, говорит он; это просто вещи, они имеют свойство заканчиваться. Остается только чувство, которое ты испытываешь, когда вы отлично проводите время вместе.

- Совершенно не отвечает ожиданиям, – говорит он.
- Иди к черту, картошка вовсе не была так плоха.
- Два слова. Шесть и пять букв.
- Что за хрень; я не по этой части.
- Подумай об этом с разных сторон, – говорит ГС. – Есть буквальная подсказка, она на поверхности, и есть подсказка внутри. Надо напрячь мозги.
- Не думай, что у меня в мозгу много мыслей.
- Это еще как посмотреть.
- Давай еще одну подсказку.
- Вскипяти немного волшебства, дружище.
- Только что сделал тебе чаю, – говорю я.
- Это ключ, придурок. Пять букв.
- Чепуха.
- Это шесть. – Он улыбается. – Ты почти угадал минуту назад. Вот, посмотри.

Артур показывает. Но я не улавливаю.

– Не вижу.

– В конце смотри.

– О! – говорю я, когда он вписывает буквы.

Билл не прав насчет ГС. Артур из тех людей, которые хотят помочь тебе стать лучше. Он не говнится из-за того, что я моложе, и не задирает нос в отличие от Билла, который, подозреваю, думает всякую хрень в мой адрес. ГС терпелив. Он показывает мне, как все устроено. Я восхищаюсь им и его отношением к морю; таким и должен быть смотритель маяка. Жаль, что это не везде. Не уверен, знает ли Билл то же, что и я. Однажды в ночную смену Артур рассказал мне, что случилось с ним двадцать лет назад, когда он только начал работать на «Деве». Еще до Билла, в те времена, когда я пешком под стол ходил. Я чуть не проглотил язык, когда он это сказал. Не знал, как отреагировать. Не ожидал. Да и что я? Вы бы тоже растерялись.

Я просто смотрел на Артура и думал: вот человек, на которого я хочу быть похожим. И ни за что не догадаешься, что ему довелось пережить. Вот так вот смотришь на ГС снизу вверх и думаешь, что он знает все ответы, а он совсем другой.

* * *

Включаю Нила Янга на «Сони» и задерживаю занавеску.

Внизу монотонно насвистывает Билл; время где-то между ночью и днем, и я рад, что музыка уносит меня в другое место. В тесную студию Мишель на Стрэтфорд-роуд, играют Нил, или Джон Денвер, или «Кинг Кримсон». В пустые бутылки из-под вина воткнуты свечи, воск стекает по бокам, подушки расшиты зеркалами-ромбами. В дверях кошка вылизывает лапку. Голубой хребет, река Шенандоа. Шенандоа. Не просто слово. Это волшебные чары или зов далекой луны. Все вокруг оранжевое, цвета консервированных персиков. Мои мысли о Мишель часто имеют цвет. Пурпурный в спальне. Ярко-зеленый, когда она босиком идет в сад и зовет кошку домой. Как ее зовут? Сайкс? Нет. Стейнс? Черт. Стептоу? Не может быть.

Мишель слишком хороша для меня. По крайней мере, у меня есть мозги, чтобы это понимать.

Я бы никогда в жизни не осмелился подойти к ней, если бы «Трайидент-Хаус» не подписал со мной контракт, и это была чистая случайность. Сейчас не так много зрителей моего возраста, потому что на нефтяных вышках в Северном море зарплаты выше, но все зависит от того, какую работу тебе нравится делать и какое у тебя прошлое. Это было в апреле 70-го, я пару недель как вернулся в мир и случайно наткнулся на одного парня в пабе; он угостил меня пивом и обмолвился, что работал на маяках «Пладда» и «Скейвор». По привычке я просто ждал, когда снова попаду за решетку. К этому я был готов, я знал, что нарочно облажаюсь, ко-

гда мне надоест быть снаружи. Но чем дольше этот мужик рассказывал о маяках, тем больше я понимал, что мне это подходит. Он сказал, что нельзя просто быть одиночкой – ты должен считать, что одиночество – это хорошо. Я не думал, что «Трайидент» возьмет меня, когда ознакомится с моей биографией, но через несколько недель пришло письмо. Должно быть, они подумали: он подойдет, тупой, как пробка, но ему понравится. Дело в том, что на маяке особенно нечего делать. Все очень просто. Твой мозг занят простыми задачами. Поддерживаешь свет по ночам, потом убираешь, готовишь, связываешься с остальными маяками в цепочке. Бдишь, чтобы у вас с парнями все было гладко, а это штука непредсказуемая. Надо сохранять дружелюбие, и, с моей точки зрения, это важнее всего. Надо стараться ладить с остальными. Стоит один раз что-то упустить, и эта пакость распространится, как вирус, и не успеешь ничего понять, как вы все будете заражены, гниль расползется, и деваться будет некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.